

ТРИЛОГИЯ "МЕЛАНХОЛИЯ"

Эрик Аксл Сунд

18+

ИЗ ЖИЗНИ
КУНО

CoRpus

ОТ АВТОРОВ СЕНСАЦИОННОЙ ТРИЛОГИИ
"СЛАБОСТЬ ВИКТОРИИ БЕРГМАН"

Эрик Аксл Сунд
Из жизни кукол
Серия «Лучший
скандинавский триллер»
Серия «Меланхолия», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65633001

Из жизни кукол: АСТ, CORPUS; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-132672-2

Аннотация

Шестнадцатилетние Мерси и Нова сбегают из лечебницы для девушек, подвергшихся сексуальной эксплуатации.

Сотрудник уголовного розыска Кевин Юнсон расследует преступление, связанное с сетевой секс-торговлей. Расследование приводит Юнсона к Мерси и Нове, но также заставляет его столкнуться с тайнами из собственного прошлого.

“Из жизни кукол” – вторая книга в трилогии криминальных романов под общим названием “Меланхолия”.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

То же небо здесь	6
Это всегда какой-нибудь он	9
Некоторые мужчины	14
День первый	18
Повесть с бесконечным числом неизвестных объяснений	18
Тридцать шесть часов без сна	26
Может, хватит?	37
Там дети – топливо	42
Он надеется, что сейчас она счастлива	47
Pls call Nova	53
Mercy Hot	54
Слишком многое пережили	55
Необходимо расковырять раны	62
Третья девочка	67
По-настоящему хороший отец не перестанет поднимать свое дитя к небу	69
Его зовут не Петер	75
Мама уже набралась	78
Все было кончено в несколько секунд	82
Бедняжка Кевин Костнер расплакался	94
Пережившие обычную травму	102
Ах ты шлюшка	109

Особенно тяжело интеграция дается	115
чернокожим мужчинам из африканских стран	
Словно бабочкино крыло	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Эрик Аксл Сунд

Из жизни кукол

*“Все безвинны, никто не без вины.
На цирковой арене мучат медведицу”*

Erik Axl Sund
Dockliv

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Erik Axl Sund, 2019

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2021

© Cover illustration by Aleksandar Mijajlovic, processed by

Erik AxlSund, 2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS®

18+

То же небо здесь (на север)

Сначала поезд ехал через туннель, потом – по мосту, длиннее которого она в жизни не видела. На вокзале в Мальмё пахло кофе, почти все держали в руках дымящиеся стаканчики. Да и вся Швеция пахла кофе – и офис миграционной службы, и автобус, который вез ее на север.

Сначала было похоже на Германию: все бурое, поля, холмы и перелески с голыми деревьями, но потом стало лесистее, скалистее, белее и зеленее.

Водитель все время говорил по мобильному телефону и что-то объявлял в микрофон; наконец автобус остановился в месте под названием Лидчёпинг. Если верить словарю, то по-английски городок назывался бы примерно Сафферттаун, Город Страданий. Водитель сообщил, что он расположен на берегу самого большого в Швеции озера, но озеро больше походило на море – другого берега не было видно. Поверхность затянута льдом, и темно, хотя до вечера еще далеко. Луна освещает снежный покров, все темно и неправдоподобно, как во сне, а может, это и есть сон.

Она уснула еще до того, как они въехали в Швецию, которую ей так хотелось увидеть, а проснулась, уже когда они проезжали через город. Она смотрела в окно, и ей казалось,

что она спит и видит сон, потому что деревья вдоль покрытой слякотью дороги были похожи на брокколи.

В Бурлэнге ей пришлось задержаться: она всего лишь имя на бумаге, служащие даже не знали, к какой категории ее отнести, конкретно сейчас она – несовершеннолетняя без сопровождения, но папа, наверное, уже приехал, хотя его имени не могут найти ни в одном списке.

Автобус едет на север; становится все холоднее, дороги все хуже, но пейзаж все красивее, а темнота все темнее, и она думает: как странно – здесь то же небо, что и дома. И вода та же самая, потому что вся вода на земле взаимосвязана; вода, в которой можно утонуть, и небо, на которое человек улетает после смерти, везде одни и те же.

Ночь над темно-синими горами вдруг озаряется призрачно-зеленым; автобус останавливается, и водитель объясняет, что это полярное сияние – здесь, на севере, это обычное дело. Сияние не только зеленое, оно еще желтое, голубое и фиолетовое, оно мерцает по всему небу, меняет форму, как медуза, которая сокращается и расширяется под водой, как тяжкое дыхание отравленного бога. Неужели такая красота может быть чем-то обыденным? И не станет ли она ничего не значащим фоном, если созерцать ее чуть ли не каждую ночь?

Семь строительных бытовок возле Брэкке принадлежат мужику в спортивном костюме; он собирает деньги и вылавливает несопровождаемых детей-беженцев, тридцать несо-

вершеннолетних в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, из которых двадцать восемь – мальчики. Не все глупы, но шестеро или семеро с придурью, так всегда бывает. Десять-двенадцать процентов людей мало того, что не способны думать, – они еще и гордятся этим. Ночью они тайком пробираются к ней; один парень пытается стащить с нее штаны, и она пинает его прямо в лицо. Парень говорит, что заявит на нее в полицию, но полиция не появляется, потому что на всю эту территорию размером с Бельгию всего трое полицейских.

Если ей предоставят убежище, то до совершеннолетия она должна жить в какой-нибудь семье. Но бумаги все не приходят, вот уже полгода все глухо, солнце дочиста слизывает снег с гор, и в Олвейзлэнде наступает лето. Солнце, которое в полночь стоит высоко в небе, и вечные комариные укусы вытерпеть можно. Труднее вынести одиночество. От одиночества она сходит с ума.

Свернись клубком на морозной постели из еловых лап, черная девочка, черная снаружи и внутри, холодная и замерзшая, и пусть черная тьма поглотит тебя. Ты шлюха и убийца.

Это всегда какой-нибудь он

Шоссе 222

Смерть не черная, как вечная ночь, и не белая, как свет в туннеле; она цвета серый металлик и произведена в Германии, для езды без ограничения скорости.

Снег, похожий на пласты тумана, висел над Вэрмдёледен, снежинки словно замерзли в воздухе. Автомобиль прорезал белую массу; когда он проезжал торговый центр “Накка-Форум”, спидометр показывал сто пятьдесят километров в час.

Метрах в тридцати за ним следовала другая машина, тоже на ста пятидесяти километрах в час. Красная “тойота-примус”, гибридный автомобиль, который спустя несколько лет производитель отзовет по причине дефекта тормозов; из-за этой неисправности произойдет несколько аварий со смертельным исходом. На повороте у Свиндерсвикен “тойоту” занесло и потащило вдоль дорожного ограждения в вихре искр.

Машина “серый металлик” еще прибавила скорости. Сто шестьдесят километров в час; две девушки улыбнулись друг другу.

Мерси крепче схватилась за руль.

Нова отбросила волосы со лба и закурила.

Она опустила окошко, и в машине засвистел ветер.

– Видела? Мы с ним разделились.

– С ним? Откуда ты знаешь, что это “он”?

– Это всегда какой-нибудь он.

На развязке, где Вэрмдёледен пересекается с Вэрмдёвэ-ген, стрелка спидометра дрожала уже на ста восьмидесяти. Девушки не знали, что две полицейские машины поджидают их возле участка в Хенриксдале, что полицейские уже готовы растянуть ленту с шипами.

– Девяносто процентов всех убийств и девяносто девять процентов изнасилований совершают мужчины, – сказала Нова. – А из ста педофилов только два – женщины.

– А еще они любят мучить животных, – вставила Мерси.

– Из тысячи любителей трахаться с другими видами... – Нова рассмеялась, – коровами, например, козами, собаками и беспомощными цыплятами...

– ...девятьсот девяносто девять – мужчины, а единственную женщину, готовую сунуть в себя конский член, обучил и выдрессировал какой-нибудь мужчина.

– Они придумали групповые изнасилования, атомную бомбу и электрический стул.

– Вот что у них в голове?

– А самомнение! Все знают, все могут. А на самом деле они – одна большая ошибка, эволюционный просчет.

– Да. Одно в них хорошо – они чуть не миллиард раз в день или бьют, или убивают друг друга. Почему им вообще дается право голоса?

– Рождается мужчина – рождается потенциальный людоед или педофил. Надо лишать их всяких прав с самого рождения...

Нова и Мерси были знакомы не слишком долго, но сдружились так крепко, что иногда казались одним человеком.

– Пусть бы эти деятели, прежде чем открыть рот, сначала доказали бы, что собираются сказать что-нибудь поинтереснее того, что скажет первая встречная девица. И так во всем мире, во все века.

Они не видели мигалки возле моста Данвиксбрун.

Не видели и ленты с шипами.

Улыбка Мерси внезапно исчезла.

– Убить десять случайно выбранных мужчин значит предотвратить сорок восемь жестоких преступлений, – сказала она. – Включая убийства и сексуальную эксплуатацию детей. Хорошо бы всех мужчин, прямо с самого дня рождения, подталкивать к самоубийству.

– Мой настоящий папа покончил с собой, – напомнила Нова.

– Пусть бы они самоубивались все, кроме твоего и моего папы.

– Да... все, кроме них.

Двести километров в час сквозь зависший в воздухе снег. Двести метров до разводного моста в Данвикстулле. Они не знали, что некий полицейский связался с дежурными и приказал развести мост, чтобы остановить их безумную гонку.

– Мне хорошо с тобой, – сказала Мерси. – Когда ты рядом, мне хочется есть.

Они – Нова и Мерси.

Нова видит перед собой комнату в холодной, пропахшей спиртным квартире в Фисксэтре. Мерси видит теплый домик с мамой, папой и двумя толстенькими братишками.

Они знают, по каким дорогам ушли отсюда.

Знают, какие дороги привели их сюда. К последней черте. К концу.

Они просто гонят машину дальше.

Произведенная в Германии машина цвета серый металлик принадлежала Свену-Улофу Понтену, сорока пяти лет, жителю Стоксунда, заместителю директора фирмы с годовым оборотом в восемьдесят миллионов. Несколько дней назад он остановил машину на автозаправке в Книвсте и открыл дверцу чернокожей девушке по имени Мерси, шестнадцати лет.

Он дал ей пятисотку и расстегнул брюки; обозвал черномазой шлюхой и потребовал раздеться. В двадцати метрах от них кассир принимал от клиента плату за бензин.

Когда Свен-Улоф Понтен кончил, девушку вырвало. Молочным шоколадом и ошметками бутерброда с сыром. Свен-Улоф дал ей затрещину, наорал и обозвал мокрощелкой, которая загадила ему машину, тупой сраной сукой.

Потом у него зазвонил телефон. Звонила его жена.

Свен-Улоф Понтен застегнул брюки и принял звонок.

Мягким голосом сказал, что скоро приедет домой, осталось всего одно дело, короткая встреча с важным клиентом.

Он вылез из машины; кассир на заправке как раз пробил чек за горячий бутерброд и кока-колу. Мерси слышала, как Свен-Улоф говорит, что любит жену и ждет не дождется, когда ее увидит.

Потом пара поцелуев в трубку. Когда Свен-Улоф повернулся, чтобы идти к машине, то увидел, как Мерси уезжает.

“Целую-целую”. Иди в жопу, сраный кобель.

Некоторые мужчины

Серая меланхолия

Осень в Стокгольме выдалась мягкая, с дождями и ветром. В иные дни погода поворачивала на позднее бабье лето, но в основном было серо и противно. Серость выматывала тело и душу.

Свен-Улоф Понтен сидел за компьютером у себя дома, в стоксундском таунхаусе. Он только что разлогинился и застегнул брюки.

За окном выл ветер, гнул тощенькие вишни, которые он посадил пять лет назад. Осень дергала и мотала соблазнительные для косуль тонкие ветки.

Девочка, с которой он только что общался в чате, наконец – после нескольких месяцев тяжелого труда с его стороны – согласилась встретиться с ним. Сегодня же вечером, отчего ему понадобилось слегка сбросить напряжение. Свен-Улоф смял обрывок бумажного полотенца и выбросил его в мусорную корзину.

Осталось только уgomонить нечистую совесть.

Свен-Улоф достал связку ключей и отпер нижний ящик стола. Иногда его мучили параноидальные мысли, что жена или дочь каким-то образом доберутся до ключей и заглянут в ящик. Но Оса и Алиса у него умницы. Даже если в семье

у него почти полный разлад, жена и дочь, по крайней мере, сохраняют к нему уважение.

В ящике лежало двадцать пластиковых папок, которые он время от времени вынимал, чтобы напомнить себе, что он еще не худшее зло. Он, Свен-Улоф Понтен, уроженец Витваттнета, что в Емтланде.

Он не слетел с катушек. В его семье все были нормальными людьми.

Люди, слетевшие с катушек по-настоящему, лежали в пластиковых папках в ящике стола.

В папках содержались газетные статьи, протоколы предварительных расследований и даже фотографии с места преступления, которые он находил в интернете. Все эти материалы являли собой образцы человеческих извращений и представляли собой деяния девятнадцати преступников и одной преступницы.

На одной папке значилось имя “Армин Майвес”. Свен-Улоф просмотрел фотографии и мельком проглядел записи, которые к этому времени успел выучить наизусть.

Немец Армин Майвес. Бывший военный, который искал через интернет человека, желавшего, чтобы его убили и съели. На объявление откликнулся программист Бернд-Юрген Армандо Брандес: так вышло, что призыв Майвеса отвечал его давней мечте.

Накатила тошнота, пузыри из желудка поднялись ко рту, и несколько минут Свена-Улофа мучили фантазии о вещах,

о которых лучше не говорить вслух.

Закрыв глаза, он представлял себе ужин на кухне дома в немецком Ротенбурге. Свен-Улоф прошелся языком по деснам и зубам. Между двумя молярами застрял кусочек мяса; Свен-Улоф выудил его кончиком языка и сплюнул.

Свен-Улоф был в доме один и мог позволить себе побыть собой, никого не стыдясь.

И ему это нравилось.

Не стыдиться.

Так и не открывая глаз, он понюхал пальцы и констатировал, что от них воняет чесноком. Часа два назад он рубил чеснок и жарил говяжье филе. Оса стояла рядом, резала огурцы и помидоры; муж и жена говорили об обожаемой дочери. Об Алисе, которая сейчас жила не с ними, но которая вскоре должна была вернуться.

После ужина Оса уехала в город, смотреть кино с подружкой, а сам он отправился сюда, в свой рабочий кабинет.

После ужина Армин Майвес расслаблялся, читая научную фантастику. Программист тем временем истекал кровью в ванной. Свену-Улофу казалось, что он ощущает сладковатый запах и слышит, как тихонько булькает в сливе.

Наконец Свен-Улоф открыл глаза.

Некоторые мужчины по предварительной договоренности отъедают друг другу половые органы, подумал он.

По сравнению с ними во мне нет ничего такого, из-за чего можно было бы так тревожиться.

Свен-Улоф сделал глубокий вдох, набрал в грудь свежего воздуха. Улыбаясь, он сложил вырезки и фотографии в папку, а папку запер в ящик стола.

Девушка, с которой он чатился, через час будет ждать его у многоквартирного дома в Бергсхамре. Не очень далеко, на той стороне Стоксунда, но там все же совершенно другой мир.

Девушку зовут Тара, и он знает, почему она в конце концов согласилась встретиться с ним.

Она из религиозной семьи и хочет бунта. Хочет продемонстрировать родителям, что не Бог распоряжается ее телом, а она сама.

Подростком Свен-Улоф и сам пережил нечто подобное. Вzbунтовался против Христа, против отца с матерью, против всего прихода. Он пил, трахался и слушал запретную музыку.

У них с Тарой одинаковый опыт, хорошая тема для разговора. Они не так уж непохожи друг на друга, и даже если ему сорок пять – значительно больше, чем он указал, – а ей пятнадцать, они сумеют столковаться.

Он не Мясник, в отличие от Армина Майвеса.

Свен-Улоф Понтен обращался со своими девочками хорошо, если они оказывали ему должное уважение.

Ветер за окном усилился. Дело к зиме.

День первый

Ноябрь 2012 года

Повесть с бесконечным числом неизвестных объяснений

Бергсхамра

Девушка лежала на спине, на блестящей гранитной плитке перед шестиэтажным домом. Труп обнаружил в первом часу ночи таксист, который вышел из машины покурить. Сначала он принял тело за манекен. Слишком легкая для этого времени года одежда, тонкие, почти белые руки, ноги неестественно выгнуты.

Подойдя поближе, таксист увидел кровь.

Потом, к несчастью, пошел дождь, и бо́льшую часть крови смыло. Возможные следы, вроде отпечатков обуви, снять не удалось.

Была половина первого. На четвертом этаже некая мать-одиночка смотрела в окно своей кухни. Холодный голубой свет полицейских мигалок выдергивал из темноты дерева в роце напротив, проникал в квартиру. От вспышек оживали детские рисунки на холодильнике. Головоногие, как живые,

прогуливались по дверце среди шишек и листьев, небрежно нарисованных акварелью.

Женщина потеряла глаза, прогоняя сон. Кто лежит там, на земле, под пластиковым покрывалом, и что произошло? Мысль о том, что какой-нибудь из ее мальчишек может упасть с балкона или из окна и приземлиться на эти беспощадные камни, преследовала ее с первого же дня, как они сюда переехали.

Женщина задернула занавески и заглянула в детскую. Оба мирно спали, и она примостилась рядом с младшим. Засыпая, она отметила, что взволнованные голоса в квартире над ней затихли.

В час ночи полицейские взялись за работу всерьез. Возле сине-белой заградительной ленты стояла “скорая”, но оба медика сидели без дела.

Девушка мертва, они здесь не нужны.

Ирса Хельгадоттир, недавняя выпускница полицейской академии, еще никогда не видела мертвого человека. Она изо всех сил старалась быть полезной, но не могла избавиться от ощущения, что она зритель. Что она просто смотрит телевизор.

К ней подошел Шварц.

– Смотри и учись, – объявил он и указал на четырех криминалистов в синих пластиковых комбинезонах, среди которых была рослая темнокожая женщина.

– Эмилия похожа на баскетболистку из НБА, – заметил он. – Но в экспертизе ей нет равных.

– Ты имеешь в виду ЖНБА?

– Чего?

– Женскую баскетбольную лигу, – пояснила Ирса и тут же поняла, почему заспорила с коллегой. Может, узел у нее в желудке ослабнет от пары задиристых словечек.

Криминалисты как раз управились со своей первой задачей. Теперь к телу вел коридор шириной в два метра; вокруг тела тоже было пустое пространство. Так судебный медик сможет подойти к трупу, не оставив лишних следов.

Судмедэксперт, который держался поодаль, в компании бутерброда и термоса с кофе, наконец вышел из машины.

– Иво Андрич, патологоанатом, – сказал Шварц. – Эмилия баскетболистка, а вот Андрич больше по бейсболу.

Бейсболки плохо сочетаются с пластиковым капюшоном и маской. Но на патологоанатоме такая комбинация казалась весьма естественной.

Шварц дал разрешение на первичный осмотр погибшей; Андрич надел на бейсболку налобный фонарь и, осторожно переставляя ноги, двинулся к телу.

Время от времени он останавливался и осматривался; когда он вдруг вытянул руку, ладонью вверх, Ирса пришла в недоумение. Он что, подает знак? Нашел что-нибудь?

Андрич спустил маску на подбородок и улыбнулся Ирсе: – Дождь кончился.

Узел в желудке немного ослаб.

Ирса взглянула на серое, стального оттенка, небо, прищурилась и на мгновение представила себе, что она где-то не здесь. Где-нибудь, где тепло. В месте простом и щедром.

Но она сейчас тут, и тут ее место.

Криминалисты начали с осмотра земли у самой ленты ограждения. Эта безрадостная работа могла занять несколько часов, а если бы нашлось что-нибудь интересное, то и дольше. Эмилия делала снимки; вспышка, словно стробоскоп, освещала людей с налобными фонариками, копошившихся в темноте.

– Вижу! – Один из криминалистов вдруг распрямился, указывая куда-то вниз.

Трещину, из которой проросла сантиметров на десять трава, и найденный предмет сфотографировали. Криминалист убрал находку в пластиковый пакет.

Даже на расстоянии было видно, что это “андроид”. Эмилия тут же понесла смартфон к машине экспертов.

Без четверти два патологоанатом добрался до трупа. Стоя под пластиковым тентом, он внимательно осмотрел тело, после чего достал маленький диктофон, поднес его ко рту и что-то неслышно проговорил. Через несколько минут он махнул рукой, разрешая другим приступить к осмотру.

Идя следом за Шварцем и двумя опытными сержантами, Ирса припоминала, чему ее учили в полицейской академии.

Искать не что-то ожидаемое, а то, что выбивается из об-

щей картины. Вроде бы логично, но в то же время труднее всего.

Погибла неизвестная девушка.

Чья-то дочь, чья-то сестра, родная или двоюродная, лежит под пластиковым тентом совсем холодная. Объяснений пока нет.

Чей-то близкий человек, подруга, одноклассница, чья смерть – неясное предположение, она еще вне поля зрения следователей. Девушка, труп, жертва пока всего лишь повесть с бесконечным числом неизвестных объяснений.

Ирса медленно приблизилась к телу и оглядела девушку.

Лет четырнадцать-шестнадцать. Одета легко – красное платье без рукавов, словно собралась на вечеринку или, наоборот, откуда-то возвращалась. Девушка одета легко; значит, вечеринка имела место где-то поблизости.

Простенькая цепочка с крестом, который запутался в темных кудрявых волосах. Кожа бледная, но девушка явно не шведка. Вероятно, откуда-нибудь с Ближнего Востока.

Правое предплечье торчит вверх, левое плечо как будто вдавилось. Голые руки и ноги словно выкрутили из суставов.

На куклу похоже, как сказал таксист оператору “SOS Alarm”.

Глаза уставились в пустоту.

Во взгляде застыл ужас.

Рот полуоткрыт, губы посинели, под носом запеклась кровь, которую даже дождь не сумел смыть.

Ну, с первым трупом разобралась, подумала Ирса.

Ничего особенного.

И все же Ирса знала, что увиденного ей не забыть.

Шварц присел возле трупа на корточки и обернулся к Андричу.

– Как думаешь, действовала спонтанно? Самоубийство? Отправить ее к Хуртигу?

Патологоанатом покачал головой.

– Мой совет – повременим. – Он перевел взгляд на шестиэтажный дом. – Но, конечно, положение тела относительно дома не исключает прыжка или, если на то пошло, падения с одного из верхних этажей. Повреждения свидетельствуют о том же.

– Если бы она свалилась или спрыгнула, кто-нибудь бы наверняка услышал? – Шварц оглядел дом.

Когда они приехали, почти все окна были темными, но сейчас горело уже не меньше половины окон, и то в одном, то в другом появлялись силуэты людей. Полицейская мигалка манила жителей, но полицейские, натянув ленту заграждения, отправили самых любопытных – тех, что высыпали на балконы поглазеть – по квартирам.

Патологоанатом Андрич пожал плечами.

– Трудно сказать, что люди слышат и видят посреди ночи. Никто пока не приходил, чтобы что-нибудь рассказать?

– Нет, – признал Шварц. – Но с минуты на минуту придет подкрепление, и можно начинать опрос соседей.

Ирса подозревала, что обход соседей выпадет на ее долю, на пару с еще каким-нибудь желторотым. Она опять приоткрылась к трупам.

Что-то странное было в позе тела.

Девушку словно выставили на всеобщее обозрение, положили на спину.

В пять минут третьего прибыла вторая патрульная машина. Когда они шли назад, Шварц положил руку ей на плечо.

– Кажется, ты нервничаешь. Но вот увидишь, этот случай не хуже обычного детектива.

– В каком смысле детектива?

– Ну, все хорошие детективы начинаются тем, что кого-то убивают, а кончаются тем, что дело распутывают.

– А вдруг это плохой детектив.

Какой вопрос, такой и ответ, подумала Ирса. До машины они дошли в молчании.

– Подите сюда.

Эмилия-баскетболистка сидела на пассажирском месте в машине экспертов. На коленях у нее был ноутбук, в руке – пакет с “андроидом”.

От телефона к компьютеру прямо из пакета протянулся проводок.

– Я разблокировала телефон, – сказала Эмилия. – Вероятнее всего, он принадлежал жертве. Девушку зовут Тара, она обожает селфи. Последний раз она обменивалась эсэмэсками четыре часа назад.

– С кем? – Шварц оперся рукой на открытую дверцу. Эмилия задумалась.

– В списке контактов он значится как “Улоф”. Но номер отследить не удалось, во всяком случае с этой аппаратурой. Похоже, они договаривались встретиться где-то здесь.

– Интересно. Хорошее начало.

– И еще, – продолжила Эмилия. – Тара пишет этому Улофу... цитирую: “Знаешь Повелителя кукол?” Улоф отвечает: нет. Что это может значить? Есть соображения?

Сержант Шварц поднял брови.

– Нет. Ни малейших. Но мне кажется, я знаю человека, у которого соображения могут быть.

– Так-так... И кто это?

– Кевин Юнсон. Из уголовной полиции.

Тридцать шесть часов без сна

Танто

На вершине Тантобергет, в районе Сёдермалм, стоит установка ПВО времен Второй мировой войны, призванная защищать от врагов мосты Орстабрун и Лильехольмсбрун. Недалеко от игровых площадок, на террасах, спускающихся к воде, расположены садовые участки; из одного домика доносился грохот гранатных разрывов.

Была половина третьего ночи. Кевин Юнсон лежал на диване; на экране компьютера перед ним шла советская военная драма “Иди и смотри”.

Когда живые завидуют мертвым, думал Кевин.

Небольшой садовый участок на горе Танто являл собой в основном голые камни; пригодная для выращивания хоть чего-нибудь земля ограничивалась полоской плодородной почвы вдоль забора. Право на застройку участка – одного из ста одиннадцати на южном склоне – использовалось по полной. Четырнадцать квадратных метров занимал красный домик с белыми углами, шесть квадратных метров – открытая веранда с сарайчиком, вмещавшим уборную. Этот клочок земли принадлежал семье Кевина с семидесятых годов, а сам он жил в домике уже четыре года. Проводить здесь зиму запрещалось уставом, но соседи-садоводы не жаловались.

С тех пор как узнали, что Кевин служит в полиции.

Здесь он вырос. Здесь наблюдал, как лето, крадучись, взбирается на гору с Орставикена, здесь они с отцом сидели на веранде и смотрели, как солнце опускается за яхтенный причал.

Единственная комната вмещала стол с двумя стульями, диванчик и – вторым этажом – кровать. Бензиновый генератор питал плиту и холодильник, а солнечная батарея обеспечивала электричеством компьютер и лампочки. На стенах полки, на полках книги и диски.

Когда Кевин смотрел кино, то старался держать под рукой ручку и бумагу, готовясь записывать ошибки – просчеты в сценарии, анахронизмы. Ляпы.

Не только забавы ради, но и чтобы потренировать наблюдательность, которая так нужна ему в работе. Но на экране разворачивалась уже последняя сцена “Иди и смотри”, а бумага на столе все еще оставалась нетронутой.

Главный герой, в начале фильма – подросток, теперь выглядел стариком. Он уходил в леса, чтобы примкнуть к партизанскому отряду.

И лес проглатывал его.

Природа всегда побеждает. Человеку ее не одолеть.

Кевин уже в детстве искал и находил логические ошибки. Он развенчивал выдуманные миры других детей, указывая, что ковбои не могут ни стрелять из автомата, ни носить штаны, купленные в “Каппале”.

В классе он тоже не мог смолчать. Не мог мириться с пла-

катом, изображавшим викингов, потому что рисунок тиражировал легенду о рогатых шлемах. *Лян.* На карте мира, висевшей за учительским столом, Гренландия была величиной с Африку и производила совершенно неверное впечатление. *Лян.*

Утверждения учителей о том, что он страдает приступами гневливости, гиперактивностью и как там оно еще называется, становилось все труднее опровергнуть, они превращались в правду. Зачинщиком ссор почти всегда оказывался Кевин Юнсон.

Но в пятом классе к ним по замене пришла на семестр молодая учительница, не похожая на других. Как-то она попросила Кевина остаться после уроков.

Он ожидал взбучки, но учительница достала коробочку вроде той, в каких держат жевательную резинку. Она спросила, что в этой коробочке, и он ответил – двадцать пять подушечек жвачки, как и написано на упаковке, на что учительница рассмеялась и открыла коробочку.

Внутри лежала красная бусина.

Коробочка – это твое лицо, сказала учительница. Та роль, которую ты играешь в классе и в которую верят все, в том числе учителя, а может, и ты сам. Учительница вынула бусину, поднесла ее к свету и продолжила: *“А это – ты. То, что ты есть на самом деле. Я положу коробочку к себе на стол, и весь семестр бусина будет там, внутри. Каждый раз, когда тебе в классе станет тяжело, вспоминай наш с тобой секрет”*.

Кевин сохранил тайну коробочки с бусиной. Он и правда почувствовал себя в школе свободнее.

Приближались рождественские каникулы, учительница скоро должна была уйти, но теперь к Кевину относились иначе. К его словам стали прислушиваться. Может, потому, что говорил он теперь поменьше. Когда он после каникул вернулся в школу, коробочки с бусиной уже не было.

В компьютере у Кевина имелся файл *Excel*, озаглавленный “л/мин” – количество ляпов в минуту. В эту таблицу он несколько лет заносил фильмы с максимальным количеством ошибок, от сценарных несоответствий до анахронизмов. Из этой табели Кевин вынес знание о том, что слава часто обманчива. Список возглавляли вовсе не фильмы категории “В”, а дорогостоящая продукция с претензией на достоверность. На первом месте – “Птицы” Хичкока, за которыми с небольшим отрывом следовал “Апокалипсис сегодня”, который, конечно, содержал несравненно больше ляпов, но его спасала изрядная продолжительность.

Кевин поискал фильм, который можно было бы поставить фоном. Пусть будет “Стеклянное сердце” Херцога. Потом вернулся на диван.

Он знал фильм наизусть, эпизод за эпизодом.

Кевин завернулся в плед. Тридцать шесть часов без сна ощущались физически, мир казался зыбким. Но мозг еще работал в полную силу. Интересно, откуда эти разговоры о маленьких серых клеточках. Живой мозг, с физиологиче-

ской точки зрения, – красно-розовый, он становится серым, лишь когда человек умирает.

Когда его мозг работает на полных оборотах, это ярко-красные, кровавые молнии. В голове словно крутится центрифуга. Как раз сейчас в ней происходила сватка между мыслями об отце и мыслями о работе.

Папа-полицейский. Бессмертный папа. Папа, который умер.

Не прошло еще трех недель, но Кевин уже понял: скорбь не есть что-то, что существует у тебя внутри и с чем можно справиться. Она ходит рядом и живет своей собственной жизнью. Ее можно заметить краем глаза, и стоит тебе вообразить, что ты забыл о ней, она тут как тут, хлопает тебя по плечу.

Она вне реальности. Она в темноте под кроватью или в тени за дверью.

Фильм на экране компьютера продолжался. Как скорбь. По легенде, Херцог подверг актеров гипнозу, и результат сильно напоминал коллективную депрессию.

Иногда Кевин так тосковал по отцу, что впадал в похожее состояние.

Ему становилось трудно дышать. Он плакал или просто сидел, глядя в одну точку. Подогревал себе поесть, смотрел телевизор, читал книгу. Не помня потом, что ел, что видел или о чем читал.

Если он представлял себе, что отец жив, переносить дей-

ствительность становилось легче. Обычно Кевин пытался уцепиться за какое-нибудь воспоминание. Чувства, запахи, разговоры, обстоятельства; сейчас он ощущал на себе отцовские руки.

Папа говорил, что руки напоминают ему о его происхождении. Он – потомок норрландских рыбаков “селедочного пояса”, северо-восточного побережья. Кожа у него на руках растрескалась от соленой воды, рыбьей чешуи, острых жабр и плавников, кровеносные сосуды лопались, если на улице стоял сухой мороз. Когда трещины кровили, он лизал кончики пальцев, говорил, что лакает кровь своей родни. Отец утверждал, что селедочную вонь от рук ему уже не отмыть, что, конечно, было неправдой. Запах уксуса и сероводорода засел у него в мозгах, но так крепко, что стал реальным.

Кевин посмотрел на собственные руки. Они хранили ужас драки – в начальной школе он побил приятеля – и стыд мастурбации: четырнадцать лет, запретные фантазии.

И еще кое-что похуже.

Гораздо хуже. То, что опустошает душу.

Спертый запах тайны, известной только ему и еще одному человеку. Дяде, маминому брату, с которым ему предстоит встретиться завтра, на отцовских похоронах.

Причина того, что он стал полицейским, коренилась в кисло-сладком запахе, напоминавшем о снюсе.

Да, он пошел служить в уголовную полицию сразу после выпуска, он, талантливый криминалист, написал очень осно-

вательную дипломную работу о том, как выслеживать педофилов в Сети, но все это было лишь вариацией правды. Он никогда не оказался бы в угрозыске, если бы не то, что произошло в палатке на острове Гринда, когда ему было девять лет.

Восемнадцать лет назад он сидел и смотрел на свои руки, на нечистоту, которая отныне всегда будет покрывать их, смотрел, как правая ладонь сжимается в кулак, как белеют костяшки; потом ладонь раскрылась и потянулась за красным йойо, лежавшим на столе.

Кевин запустил йойо. Вниз-вверх, снова и снова, игрушка вертится в отсветах экрана, до пола несколько сантиметров.

Под йойо ему лучше думается.

Затхлое мутное воспоминание о дяде и палатке на острове в стокгольмских шхерах сменилось другим, более чистым и светлым воспоминанием из того же лета.

Стоял конец августа. Папа погрузился в расследование запутанного убийства и остался в Линчёпинге на неделю.

День, когда он должен был вернуться домой, оказался самым длинным за всю девятилетнюю жизнь Кевина; вечером они с матерью отправились на метро к Центральному вокзалу. Они приехали слишком рано, и когда поезд наконец подтянулся к перрону, Кевин стал лихорадочно высматривать в окнах знакомое лицо. Наконец он увидел отца – тот махал ему из вагона-ресторана.

Кевин пустился бежать рядом с поездом, который, кажет-

ся, не собиравшись останавливаться; целая вечность прошла, прежде чем раздался скрежет, колеса замерли и отец шагнул из вагона. Кевин бросился в раскрытые объятия. Зарылся носом в рубашку, от которой пахло сигариллами и водой после бритья.

“Привет, приятель. – Отец крепко обнял Кевина, погладил по голове, поцеловал в лоб. – Я привез тебе подарок”.

И он достал из кармана коробочку. Тут подошла мама, сказала: “С приездом”.

Кевин открыл коробочку и обрел свое первое йойо. Тем же вечером отец показал ему пару трюков; засыпая, Кевин сунул йойо под подушку. Назавтра он взял игрушку в школу, и в тот день весь школьный двор вращался вокруг него.

Вскоре положение дел изменится, подумал Кевин, но тут же прогнал эту мысль. Йойо ходило вниз-вверх. Кевин отчетливо вспомнил слова отца: йойо сделано из смоландского дерева, а хлопчатобумажный шнур сплели в Америке.

Когда шнур наматывался на блок, можно было ощутить его шероховатости. Зуд в среднем пальце, теплая вибрация наводили на мысль о залитых солнцем хлопковых плантациях американского Юга, а прохладное шведское дерево в ладони помнило суровые зимы смоландского нагорья.

Папа был вылитый Клинт Иствуд, подумал Кевин. Непреклонный взгляд, угловатое лицо – Хороший из “Хороший,

плохой, злой”.

Йойо выточено из цельного куска дерева; отец тоже получил его в свои девять лет.

Он рассказывал о Злом. О мужике по прозвищу Пугало, которому фермеры платили за то, чтобы он ходил в лохмотьях и гонял птиц с полей. Судя по некоторым признакам, отец кое-что выдумал, но так было еще интереснее.

Пугало работал каждый год с апреля по сентябрь, его пускали жить в свинарник, поэтому он так отвратительно выглядел. Грязная черная бородища торчала, как веник. На одной щеке у него была коричневая морщинистая бородавка, из тех, которые, кажется, вот-вот отвалятся. Дети его боялись.

Уже тогда Кевин начал догадываться, что папа не все выдумал. В его словах таилось зерно правды. Что-то черное.

Папа хотел смыть эту черноту смехом.

Он говорил, что лето в конце сороковых всегда бывало теплым, всегда светило солнце, а вода в Онгерманэльвен прогревалась до двадцати двух градусов. Он купался в реке, в том месте, где прыгали с тарзанки, и Кевин так и видел перед собой реку, пену на воде. Черно-белую, как на снимках в старом папином фотоальбоме.

Однажды папа купался долго, а когда начал вытираться и собираться домой, то увидел, что Пугало сидит на склоне за деревом, в нескольких метрах от тарзанки.

“Он улыбнулся беззубой улыбкой, – рассказывал папа. – Голыми красными деснами. А потом сунул под губу здоровенную щепоть табака. Он сидел там с тех пор, как я пришел, сказал, что хочет кое-что мне подарить за то, что я так здорово прыгаю. И протянул мне йойо. Оно тогда было алое. А не бледное и облезлое, как сейчас”.

Кевин погладил йойо. Внимательно изучил, как изучал уже много раз.

Каждая царапина, каждая отслоившаяся чешуйка краски была – история.

Кевин понюхал йойо. Запах дерева, немного затхлый, и еще чего-то.

Может, на игрушке еще остался пот бродяги.

“А что было потом?” – спросил Кевин. Отец сидел с отсутствующим видом, он словно не слышал вопроса.

“Ничего особенного, – ответил он наконец. – Я взял йойо, сел на велосипед и поехал домой. В тот же год, зимой, Пугало замерз насмерть, его нашли под мостом. Волосы примерзли к земле, его пришлось выпиливать”.

Теперь Кевин знал, что Пугало на самом деле звали Густав Фогельберг. Отшельник, который покушался на мальчиков и за это попал в тюрьму. Красное йойо было чем-то вроде приманки, но с помощью игрушки отец скрыл историю о наси-

лии. Йою стало несущим элементом его пожизненной лжи. Отец никогда не рассказывал, что с ним что-то сделали.

У папы был бродяга, Злой.

А у Кевина был дядя, мамин брат.

Может, хватит? Бергсхамра

Семья погибшей проживала в двух кварталах от места, где нашли девочку.

Родители проводили сержанта Шварца в ее комнату.

Напротив кровати помещался пузатый комод на гнутых ножках, с вязаной крючком салфеткой; на кровати покрывало и подушки в цветочек, как в семидесятые годы. Иконы на стенах соседствовали с выцветшими фотографиями шведской королевской четы и вышивкой, гласившей: “не сокрушайся о том, чего не имеешь; радуйся тому, что у тебя есть”.

В глазах Шварца комната отнюдь не выглядела как обиталище обычного подростка.

— Записка на ночном столике, — сказала мать девочки. — Мы ее прочитали, но положили на место, как она лежала... — Голос у нее задрожал, и она закрыла лицо руками.

Молодая женщина. Наверное, родила дочь еще подростком, подумал Шварц и вздохнул про себя. Вот черт.

Мать Тары остановилась на пороге, а Шварц направился к ночному столику.

Записка состояла из трех написанных от руки строчек; Шварц перечитал ее дважды. Из-за тонкой стены, у которой стояла кровать, доносился детский плач и иногда — мужской голос. Отец Тары утешал ее младшую сестру.

Папе, маме и Чинар.

Простите меня, я согрешила. Я не достойна жить дальше.

Я люблю вас. Встретимся на небесах. Я делаю прыжок.

Записка на линованном листе А4 была подписана именем девочки; Шварц отметил, что обе “а” в имени Тары заменены сердечками.

– Значит, когда мы позвонили, вы были уверены, что Тара спит? – спросил он.

– Да. – Мать вытерла слезы.

– Вы не замечали у нее признаков подавленности?

– Не знаю.

– Она не обращалась к психиатру?

– К психиатру? В каком смысле?

Женщина так и стояла на пороге, в трех метрах от Шварца, что показалось ему немного странным.

– Значит, не обращалась?

– Нет... Зачем ей психиатр?

Шварц молча указал на письмо на ночном столике.

– Нет, – повторила женщина после неловкого молчания.

– Вы не знаете, что имела в виду Тара, говоря, что согрешила?

– Я... нет. Нет, не знаю.

– Вы уверены?

Женщина кивнула.

– У Тары был парень?

Она замотала головой.

– Вы не знаете никого из дома, возле которого мы ее нашли? Серый, шестиэтажный?

– Нет... вряд ли. Кажется, нет.

– У нее был знакомый по имени Улоф?

Похоже, вопрос застал мать Тары врасплох.

– Улоф? Кто это?

– Пока не знаем. Они обменялись эсэмэсками... – Шварц посмотрел на часы. – Почти шесть часов назад, в начале одиннадцатого.

– Она была дома, – сказала мать. – Мы смотрели новости по телевизору. – Глаза у нее снова заблестели, она поднесла руку ко рту.

– А потом Тара ушла?

Мать прикусила губу; слеза скатилась по щеке в уголок рта. – Нет, не ушла... Она пошла спать.

– Ладно.

Сержант Шварц некоторое время размышлял, не спросить ли, кого Тара могла иметь в виду, интересуясь у Улофа про Повелителя кукол, но решил повременить с вопросом.

Улофом он займется потом.

На руках у него пока еще ничего нет; надо сначала позвонить Кевину из угрозыска. Или Лассе Миккельсену, шефу Кевина.

– У Тары был компьютер, айпэд, что-то подобное? – спросил Шварц.

Мать снова помотала головой.

– Мы не можем себе позволить такие вещи, – тихо сказала она, потом отвернулась и кивнула кому-то в прихожей.

В комнату вошел отец Тары, все еще в пижаме.

– Может, хватит? – Он посмотрел на Шварца, потом снова на жену. – Мы нужны Чинар.

– Да, конечно, – согласился Шварц. – Священник придет через полчаса.

Мужчина кивнул. Он выглядел старше жены лет на двадцать, не меньше. Или же скорбь уже успела оставить свой отпечаток. В холодном свете горевшей в коридоре лампы полукружья у него под глазами казались темно-синими.

Выходя из подъезда, Шварц достал телефон и позвонил Иво Андричу.

– Привет, – ответил патологоанатом. – Я уже собирался тебе звонить.

– Передаем девочку Хуртигу? – спросил Шварц.

Хуртиг, временно исполнявший обязанности комиссара, расследовал несколько произошедших в последнее время самоубийств. В участке о них много говорили.

– Нет, – сказал Андрич, – по двум причинам. Первую можно было заметить уже там, где нашли девочку.

Патологоанатом замолчал. Шварц подождал продолжения, но сдался.

– А что там можно было заметить? – спросил он, припомнив, что Андрич иногда впадает в грех занудства.

– Все остальные подростки в момент самоубийства слушали музыку, – пояснил патологоанатом. – На кассетах, в плеере. Таков модус операнди, если можно говорить о чем-то подобном в связи с самоубийствами. Случай Тары в него не вписывается.

– Так, ладно. Значит, вычеркиваем?

– Да, особенно учитывая вторую причину.

Другим грехом Андрича было приберегать самое важное напоследок.

Он глубоко вздохнул и сказал:

– Если девочка совершила самоубийство, то по другой причине. Похоже, она жила под сильнейшим давлением. На это указывают материалы, обнаруженные у нее в телефоне.

– Какие именно?

– Увидишь – поймешь, – загадочно ответил Андрич.

Там дети – топливо

Танто

Уйойо нет ни начала, ни конца, говаривал отец. Оно как часы. Кружится, кружится. Как время. Ни начала, ни конца. Оно вечно.

Есть вещи, которые передаются по наследству, подумал Кевин, смотал шнур и положил йойо на стол. Фильм начал мешать ему, в нем было что-то провокационное. Может быть, прекрасная музыка. Все вдруг показалось фальшивым, и Кевин выключил кино.

Четыре утра, похороны всего через несколько часов. Полтора дня без сна. Кевин лег на диван и накрылся пледом.

От усталости его познабливало.

В трещины между досками лезли жуки и муравьи-древоточцы. Плесень расплзалась по веранде, в сарае завелась какая-то мелкая пакость. Папа бы справился, подумал Кевин. Я его, наверное, разочаровал. Отец заботился о садовом участке так же, как делал все в жизни. Основательно и от души. Он мог справиться со всем, кроме собственной смерти.

Отец начал угасать прошлым летом. Жаловался, что за рулем плохо видит дорогу. Проверил зрение; серьезных проблем не обнаружилось, но вскоре ему стало трудно удерживать равновесие. Он словно пританцовывал против собственной воли.

Кевин услышал тонкий свист. Это ветер прилетел с залива, поднялся по горе, проник в щели в стенах и в полу домика. Сырой холод пробрался под плед. Кевин вздрогнул и вспомнил, что было потом.

Афазия. За завтраком папа мог попросить “крышку карбюратора”, имея в виду пакет молока. Поначалу было ясно, что он имеет в виду, только думал он как будто одно, а изо рта выходило другое, надо только правильно истолковать сказанное. Если знать, что “шлем” значит телевизор, а “предусмотренное” – новости, то вполне можно понять, что отец имеет в виду, когда говорит, что хочет “увидеть в шлеме предусмотренное”.

Потом явились заторможенность и дрожь.

Родители Кевина, которые всегда спали в одной кровати, теперь из-за отцовских конвульсий разошлись по разным спальням. Речь отца все чаще напоминала бессмысленное бормотание, и под конец слова уже совсем ничего для него не значили. Все кончилось тем, что прошлой зимой он как-то вышел на крыльцо в одном халате, сел на ступеньки и принялся ложкой поедать масло прямо из пачки.

К тому времени, как отец заболел, мама тоже начала сдавать, словно состояние отца оказалось заразным. Месяцы сюрреалистических бесед и событий в сочетании со слабеющим слухом отдалили ее от реальности, личность матери изменилась.

Примерно тогда же, когда отца перевезли в дом престаре-

лых в Каллхэлле, матери Кевина дали место в лечебнице для страдающих деменцией в Фарсте. Пятьдесят лет они делили постель, а теперь между их спальнями оказалось сорок километров. Вот такой может быть забота о престарелых, если престарелым не повезет.

Папа умер во сне, в больничной постели. Персонал еще ночью обнаружил, что произошло, но Кевину позвонили только утром. “Но ведь это случилось среди ночи, а наша политика – не беспокоить родственников зря”, – объяснила Кевину молодая медсестра, когда он спросил, почему ему не позвонили сразу.

Не беспокоить зря.

Когда смерть успела сделаться столь обычной, что в некоем профессиональном кругу ее свели к какой-то помехе?

Кевин закрыл глаза, и у него закружилась голова. Он увидел похороны на кладбище Скугсчиркугорден, увидел людей, с которыми не хотел встречаться.

Ни с кем, кроме одного человека.

Среди стариков и старух разных оттенков седины он увидел рыжие волосы Веры. Давняя сослуживица отца и единственный человек, который сумеет его утешить. Даже у матери это не получалось, а сейчас она и приехать не может, потому что совсем больна.

Старший брат Кевина тоже будет, если удосужится прибыть. Этот идиот живет за границей и чем занимается – непонятно.

Вера спросит Кевина, как дела на работе. Не полегчало ли ему с тех пор, как он получил новую должность, а он скажет, что дела идут гораздо лучше, но в то же время и хуже, потому что теперь эта дрянь подобралась к нему еще ближе.

Когда он готовился занять новую должность, его послали на стажировку в Нью-Дели. Руководители Национального полицейского управления решили, что сунуть его в самое пекло, дать понять, почем фунт лиха – отличная идея. За две недели на Гарстин-Бастион Роуд¹ Кевин пережил ад и видел такое, о чем ни с кем не мог говорить.

Увиденное сильно сказалось на его душевном здоровье.

Из-за пережитого его чуть не каждую ночь мучили кошмары.

Национальное управление отправило его к психологу, но психолог после первой же сессии отказался работать с Кевин. И Кевин лечился сам – алкоголем, а бывало, что и марихуаной.

Ни то, ни другое не помогало.

Если ты видел бордели на Гарстин-Бастион Роуд, то потом пеняй на себя.

Это место – сушая геенна. Там детей в буквальном смысле заставляют пройти через огонь.

Там дети – топливо.

Кевин видел фотографии малышей, у которых еще не зажил пупок.

---

¹ Район “красных фонарей” в Нью-Дели.

Вере он расскажет, что они с коллегами разыскивают двух юных девушек, которых он хочет допросить: он расследует дело, касающееся онлайн-груминга и детской порнографии. Если они найдут этих девушек, то есть шанс, что кто-то ответит за насилие над детьми.

Под диваном лежала сумка, в сумке ноутбук, а в ноутбуке содержались десятки фотографий; в той же сумке был меморандум, составленный шефом Кевина.

Кевин открыл глаза – уснуть все равно не получится – и потянулся за сумкой.

Две фотографии крупным планом, девушки лет пятнадцати-шестнадцати. Одна чернокожая, с худощавым лицом и длинными серебристыми волосами, вероятно – в парике; вторая – светловолосая и покруглее. Фотографии увеличены, это сцены из порноролика, но на снимках не тела, а только портреты девочек.

Кевин достал меморандум, резюме расследования, успех которого в большой степени зависел от того, удастся ли найти этих девочек. В меморандуме указывалось, что отследить их пока не удалось; известно только, что в порнороликах они называют себя Нова Хорни и Блэки Лолесс.

Он надеется, что сейчас она счастлива Серая меланхолия

В ночь после смерти Тары Свен-Улоф Понтен спал беспокойно. Ему снились дурные сны о детстве в Емтланде; прекрасные обычно воспоминания о взрослении в Витваттене в кошмарах искажались, превращались в чудовищные картины. Первая охота – ему пять лет, отец взял его с собой, они с другими мужчинами застрелили лося – в часы дневного бодрствования была светлым воспоминанием с запахом елового леса и какао. Но во сне он видел, как вывороченные внутренности животного, дымясь в осеннем воздухе, тянутся по черничнику и мертвые глаза пристально смотрят на него.

Свен-Улоф Понтен проснулся рано; жена еще крепко спала. Он надел халат и спустился на кухню, сварить себе яйцо. Без Алисы в доме так пусто.

Почему же все стало так неправильно? Ведь он сделал все, что мог.

Нутряная мощь. Алиса унаследовала эту силу от него, но в дочери она взорвалась раньше, чем в нем самом.

Свен-Улоф Понтен предпочитал яйца всмятку. Подер-

жать три минуты в кипятке – и он уже аккуратно очищает яйцо над раковиной. Ополоснув яйцо холодной водой, Свен-Улоф сел за стол.

Ее звали Сага, она училась в седьмом классе. Он – в восьмом. Оба они происходили из религиозных семей, однако в школе их приняла к себе одна крутая компания. Они остались в самом низу иерархии, но в любом случае уже не числились лузерами.

Изгоями. Другими.

Свен-Улоф смахнул со стола невидимые крошки, поставил слева стакан воды, яйцо в подставке посередине, открытую солонку – справа, после чего захватил указательным и большим пальцами щепотку соли и посолил яйцо.

Кто-то спросил его, в кого он влюблен. Неуверенность в себе не позволяла ему даже мечтать о какой-нибудь популярной девочке, и он сказал – в Сагу. Позже Свен-Улоф узнал, что и Сага объявила его объектом своих чувств. Конечно, в ее случае причиной тоже была робость. Не садись не в свои сани.

В первой ложке оказался один белок. Белок слегка отдавал рыбой, и Свен-Улоф смыл рыбный привкус, выпив воды.

Они познакомились на вечеринке. Поначалу нерешительные, в конце они уже делили друг с другом блеск для губ, слюну и прикосновения, оба перешли запретную черту.

Через пару дней Свен-Улоф позвонил ей и, заикаясь, предложил сходить в кино, если она его еще помнит. Девуш-

ка помолчала, потом рассмеялась и объяснила, что ему, наверное, нужна ее младшая сестра, Сага.

Свен-Улоф улыбнулся воспоминанию. Желток был вкуснее белка и напоминал масло.

Он выбрал “Почтальон всегда звонит дважды” с Джессикой Лэнг и Джеком Николсоном. Фильм начинался сценой долгого горячего секса на кухонном столе. Они сидели, словно оцепенев, и Свен-Улоф сгорал со стыда. На финальных титрах он зевнул, потянулся и как бы случайно положил руку ей на плечо. Но время уже истекло. Зажегся свет, волшебство кончилось, и он плотнее завернулся в куртку, чтобы скрыть эрекцию.

Домой они вернулись на автобусе, а из-за некоторого недопонимания все кончилось ничем.

Свен-Улоф Понтен промокнул губы салфеткой. На бумаге осталась полоска желтка, и он сложил салфетку.

Он думал о Саге.

О том, что они делали на той вечеринке. В туалете.

Тело под халатом ожило, он распустил пояс и откинул махровую полу. Снизу на него смотрело лицо Саги. Ей лет тринадцать-четырнадцать, он – годом старше.

Она поцеловала *это*. Всего раз, быстро коснулась губами, покраснела, поднялась и поцеловала Свена-Улофа в губы. И прижалась к нему всем телом.

Несколько лет спустя они встретились в какой-то пивной, поговорили о том походе в кино и поняли, что что-то упу-

стили. Об эпизоде в туалете оба молчали, но Свен-Улоф был уверен: она тоже помнит. По взгляду видно.

Они вместе отправились домой, но им помешали какие-то юнцы на машине, которым не понравилось, как он выглядит. Свен-Улоф угодил в отделение скорой помощи, а Сага, насколько он помнил, уехала домой на такси.

Что с ней было потом, он не знал. Он надеялся, что сейчас она счастлива.

Свен-Улоф запахнул халат, доел яйцо и допил воду. Когда он входил в ванную – бриться и чистить зубы, – эрекция уже прошла.

Свен-Улоф включил электрическую щетку, надеясь, что Оса не проснется. Хотелось еще немного спокойно подумать.

У него была Сага. А с кем пережила первый сексуальный опыт Алиса?

Об этом он понятия не имел.

Может быть, именно такие вещи они и обсуждают.

Его дочь там разговаривает о сексе с чужаками. С заправилкой, с этим Мартинсоном. Мягкий, сладкоречивый, женственный Луве Мартинсон слушает, как Алиса рассказывает такое, что должна бы рассказывать ему, Свену-Улофу.

Ему, который любит ее больше всего на свете.

Свен-Улоф сплюнул зубную пасту, прополоскал зубы жидкостью с фтором и открыл шкафчик. Бритвенный станок, помазок, мыло для бритья и вода после бритья.

Да еще эти две чокнутые девки, Нова и Мерси. Им что Алиса рассказывала?

Алиса завела о них речь во время последнего разговора. Мерси из Нигерии, такая сильная, она просто завораживает. И Нова, такая красивая.

Тоже мне образцы для подражания, думал Свен-Улоф, взбивая помазком мыльную пену.

Он почитал их объявления в Сети. “*Pls call Nova²*», а также “*Mercy Hot Chocolate – 18³*». Даже некоторое время размышлял, не ответить ли. Шлюхи и наркоманки, вот и все.

В лето после истории с Сагой он впервые взбунтовался против семьи и церкви. Их было четверо, пятеро, шестеро парней. Клей, пластиковые пакеты, укромное местечко под мостом.

Его единственный опыт с неким подобием наркотиков. В те дни Свену-Улофу для обретения себя хватало клея.

Мечты обретали форму, образы сменяли друг друга, задерживались на несколько минут, а ему казалось – на несколько суток. Выражать мысли становилось просто, слова приходили сами собой, а дежа вю вращались в плоть. Но телу крепко доставалось. Психике тоже.

Нюхать клей и корчиться в грязи под мостом, подумал Свен-Улоф и поднес бритву к коже. Когда тебе шестнадцать, можно выдержать одно лето. А в двенадцать – может быть,

---

² Позвоните Нове (англ.).

³ Мерси Шоколадка, 18 (англ.).

два.

Свен-Улоф Понтен гладко выбрился. Запах воды после бритья перенес его на тридцать лет назад, под мост в Емтланде. Парфюм немного отдавал клеем.

Свен-Улоф выстриг несколько волосков из ноздрей, пригладил брови и посмотрелся в зеркало. Да, пара килограммов явно лишние. Но выглядит он неплохо. Моложе сорока пяти, сказала Тара, когда поняла, сколько ему на самом деле.

Тара, которая тоже взбунтовалась против христианства.

А сам он снова обрел веру, уже взрослым.

Свен-Улоф снял халат, встал под душ и включил воду.

Они тогда провели в машине полчаса, и сейчас он ясно видел перед собой лицо девушки. Щербинку между передними зубами и родинку над верхней губой. Ближневосточная Мадонна. Свен-Улоф включил воду посильнее, чтобы жена его не слышала.

Его мысли постыдны, как постыдны его деяния.

Как больно быть мужчиной.

Pls call Nova

Backpage/Sweden/Stockholm/ Adult/Escort Service

Написав неправду о своем возрасте, Нова составила прайс-лист и каждую строку отметила красным сердечком. От тысячи четырехсот крон за полчаса до десяти тысяч за всю ночь. Только наличные, только предоплата.

Осталось нажать “копировать” и “вставить”.

Нова написала, что она очень тактична.

Что она открыта для любых предложений.

Что время, проведенное с ней, незабываемо.

Pls call Nova

Poster's age: 18

Location: Stockholm⁴

---

⁴ Позвоните Нове. Возраст: 18 лет. Местонахождение: Стокгольм (англ.).

Mercy Hot Chocolate – 18 Backpage/Sweden/Stockholm/ Adult/Escort Service

Мерси сидела в кафе, спиной к стене, чтобы никто не мог заглянуть ей в телефон. *“Hello gentlemen! – написала она. – My name is Mercy, a horny black girl ready to bring you up to an ecstasy of pleasure”*⁵.

За спиной у нее висела грифельная доска.

Написанные белым мелом буквы извещали, что сегодня пирог стоит восемьдесят крон. Начинка – цуккини, батат, сыр фета и жареные орехи.

Суп сегодня на десятку дешевле пирога, густой томатный суп с чечевицей. Подается с айоли и петрушкой.

I'm waiting for your call.

Please no hidden numbers.

Mercy Hot Chocolate – 18

Poster's age: 18

*Location: Stockholm*⁶

---

⁵ Приветствую, джентльмены! Меня зовут Мерси, я страстная черная девушка и готова доставить вам высшее наслаждение (англ.).

⁶ Жду вашего звонка. Со скрытых номеров не звонить. Мерси Шоколадка, 18. Возраст: 18 лет. Местоположение: Стокгольм (англ.).

Слишком многое пережили

“Ведьмин котел”

Девять квадратных метров занимал неприметный кабинет: бежевый линолеум, стеллажи из “ИКЕА” и письменный стол, унаследованный от молодежного клуба, который располагался здесь раньше. Здание, дававшее приют детскому саду, средней школе и молодежному клубу, выкупила частная клиника, и оно эволюционировало в лечебницу-интернат для девушек, подвергшихся сексуальной эксплуатации. На застекленной двери помещалась пластиковая табличка: “Луве Мартинсон, заведующий”. Табличка была напечатана на принтере для этикеток.

Луве Мартинсон откинулся на спинку стула и посмотрел в единственное окно. Вид ему загораживал частокол сосновых стволов; где-то за соснами пряталась целлюлозно-бумажная фабрика, кровеносный сосуд городка. О Скутшере Мартинсон впервые услышал пару месяцев назад, когда решил работать здесь. Лечебница и в смысле терапии, и в смысле экономики была в плачевном состоянии; прежний заведующий запустил всё. Даже уборка оставляла желать лучшего.

Но условия Луве понравились. Двое психотерапевтов на полную занятость и младший медицинский персонал — несколько почасовиков.

Луве умел хорошо работать в непростых обстоятельствах.

Расстояние его тоже не испугало. Ему нравилось водить машину, к тому же за рулем хорошо думалось. Меньше часа медитативной поездки по шоссе из Упсалы до съезда у “Врат Дракона”. А потом еще четверть часа по старой Е-4, через лес.

Утром привести мысли в порядок, вечером развеяться.

При первом визите сюда Скутшер напомнил ему безымянную дыру на американском Среднем Западе – заправки, автомастерские, закрытые рестораны, вдоль дороги вытянулись коробки домов. Через несколько недель картина обросла подробностями, но первое впечатление чего-то скудного и бесплодного осталось. Унылый кабинет в унылом здании, стоящем среди других унылых зданий на равнине в богом забытом углу Швеции. Если надо сосредоточиться на чем-то существенном, на самой работе, то лучших условий не найти.

Обитательницы интерната – семь девушек от четырнадцати до семнадцати лет – прозвали его “Ведьмин котел”. Прозвище настолько прижилось, что местные теперь тоже его так называли.

За несколько недель до того, как Луве приступил к исполнению служебных обязанностей, одна из девушек, Фрейя Линдхольм, сбежала посреди ночи и не вернулась. Никто не знал, где она обретается, но ее статусы в соцсетях указывали, что она вернулась к прежнему образу жизни на улице. Исчезновение Фрейи в большой степени спровоцировало тре-

возное настроение, воцарившееся в приюте.

За окном, взявшись под руки, топтались несколько девочек. Они ежились в куртках, которые были им великоваты, и курили одну сигарету за другой.

Луве не знал, о чем они разговаривают, но надеялся, что о чем-нибудь повседневном.

Иногда он испытывал сомнения.

Девочки, как и он сам, слишком многое пережили, чтобы болтать о пустяках.

Луве включил компьютер и прошелся по своим записям.

Большая их часть касалась Новы и Мерси.

Они как раненые зверьки, подумал он. Постоянная готовность защищаться, постоянная готовность огрызнуться.

Девочки знали друг друга не больше года, но между ними уже возникла прочная связь. Среди подростков обычное дело, но Луве казалось, что в этой связи есть что-то нездоровое. Нова и Мерси как бы нарушали будничные распорядок, если здесь вообще таковой имелся, и остальные девочки их побаивались.

Луве взглянул на часы, взял блокнот и направился в кабинет, где проходили сессии. Слышно было, что кое-кто уже там – за две минуты до назначенного времени. Громкие голоса, смех – Луве знал, что они стихнут, как только он переступит порог. Отличная иллюстрация затруднений, возникших в ходе терапии. Трудно перешагнуть порог, вызвать в девочках доверие, а причина до досадного проста.

Он мужчина.

Луве вошел в комнату. Восемь стульев, как всегда, стояли в круг: у девочек должна быть возможность смотреть друг другу в глаза. Через пару минут свободных стульев не осталось. Семь самоназначенных ведьм, и он в центре ведьмовского круга.

Луве начал с того, что в открытую спросил:

– Если бы вам понадобилось в нескольких словах, а лучше – одной фразой, описать меня как человека, что бы вы сказали?

Кто-то из девочек заерзал, кто-то закатил глаза; иные усмехнулись или переглянулись.

– Мужик лет сорока, который задает странные вопросы, – серьезно сказала Нова.

– Мужчина, – сказала Мерси. – Если нужно законченное предложение.

– Парень по имени Луве и наш психотерапевт, – сказала Алиса Понтен, семнадцатилетняя девушка из семьи, относившей себя к Свободной церкви; в четырнадцать лет она начала сниматься в БДСМ-роликах.

Другие девочки высказали еще несколько предположений; все они сводились к одному и тому же. Главная характеристика Луве – он мужчина. Вторая – что он их психотерапевт, и ему около сорока.

Когда он указал на это, девочки все как одна пожали пле-

чами. So what⁷?

– Я мужчина, а вы все находитесь здесь по вине одного или нескольких мужчин, так что ваш скептицизм по отношению ко мне обоснован. Я к нему привык, потому что он здорово мешал и мешает мне работать. Как только я вхожу в кабинет, чтобы провести беседу с женщиной, которая подверглась изнасилованию, или если кто-то видит мою фамилию в документах, мою кандидатуру подвергают сомнению. Я мужчина, а значит – я не пойму.

Луве подождал, не отзовется ли кто-нибудь из девочек на его слова, может, отпустит циничный комментарий, но девочки молчали. Луве не сразу сообразил, что они ждут продолжения. Луве прокашлялся.

– Несколько лет назад у меня была пациентка – шестнадцатилетняя девушка, пережившая изнасилование, у нее было несколько травм. Преступник сломал ей пальцы.

Луве вспомнил девушку в очках и с забинтованной рукой, и у него резануло в желудке.

– В больнице ее навестил ее парень. И первым делом задал вопрос, угрожал ли ей насильник ножом или пистолетом. Когда девушка ответила, что у преступника вообще не было оружия, парень впал в подозрительность и задал еще один вопрос. Догадываетесь, какой?

Он подождал. Девушки молча переглядывались. После некоторого молчания Мерси сказала:

---

⁷ Ну и что? (англ.)

– Он спросил: может быть, все произошло с ее согласия?
Луве кивнул.

– Дословно он сказал так: *значит, ты просто дала себя изнасиловать?* Как вы думаете, почему он так сказал?

– Ревновал, – предположила одна из девушек. – Испугался, что ей понравилось.

– Не очень-то понравилось, если ей пальцы сломали, – на-помнила другая.

– Он так сказал потому, что он мужчина, – вмешалась Алиса. – Вы не понимаете. *Не можете* понять, потому что мужчин не насилуют.

Луве поразмыслил.

– В одном исследовании говорится, что мужчины чаще склонны обвинять жертву изнасилования и даже оправдывать насильника. Но тут скорее речь о...

– От члена столько вреда в мировой истории, что вам всем нужна лицензия на его использование. – Нова усмехнулась, глядя на него в упор. – И что же лично вас делает лучше других мужиков?

– Я не утверждаю, что я лучше. Я только хочу напомнить: я в первую очередь ваш психотерапевт. А не мужчина средних лет, который возомнил, что может толковать ваши переживания, не разделяя ваш опыт.

– Ладно, – сказала Нова. – О чем сегодня будет разговор?

– Думаю, мы начнем там, где закончили в прошлый раз. – Луве повернулся к Алисе. – Ты тогда не выговорила до

конца. Хочешь что-нибудь добавить?

Алиса росла в авторитарной семье, в детстве ее держали в ежовых рукавицах, но в четырнадцать лет она, по ее собственным словам, “взбунтовалась и снялась в одном фильме”. На первой сессии Алиса рассказывала группе о съемках.

– Парень, с которым я тогда встречалась... ну, он знал много всяких странных типов, и одного режиссера знал. Мне заплатили десять тысяч...

Пока Алиса рассказывала, что ей пришлось вытворять перед камерой, Луве искоса поглядывал на Нову и Мерси. Ему хотелось видеть их реакцию, когда кто-то делится опытом, который имелся у них самих.

Нова, может быть, и не сочувствовала искренне, но слушала заинтересованно; Мерси уставилась в пол, взгляд обращен куда-то в себя.

Может быть, пришло время и мне начать рассказывать, подумал Луве.

Но как все запутано.

Как не похоже на правду.

Необходимо расковырять раны

“Ведьмин котел”

– Сначала они резали мне живот и грудь, потом использовали как писсуар.

Таких, как Алиса, всегда выбирают в школе Люсиями. Миленькая до тошноты. И выглядит моложе своих семнадцати лет.

– Потом стали натравливать на меня собак...

Нова так и видела все перед собой. Северная окраина Стокгольма, промышленное помещение, перестроенное, чтобы снимать ролики, каких не найдешь на обычных порносайтах. Десять обросших бледным жиром мужчин, немецкая овчарка в течке и девушка. Так называемая “petit preteen” – настолько субтильная, что члены рядом с ней кажутся больше, чем есть на самом деле.

“Люсия” вдохнула кислород, еще остававшийся в комнате, и его поглотила тьма внутри нее. Говорить больше было нечего.

Слова взорвались.

Луве – психотерапевт – подался вперед и сцепил руки.

– Ты приняла решение порвать с той жизнью; сильное решение. Они больше не смогут навредить тебе.

Нова узнала этот взгляд, он кричал: “Убить сволочей! Отрезать им члены и затолкать в глотку!” Но Луве – профес-

сионал. Его обязанность – научить этих семь девочек быть здоровыми без ненависти, потому что пока ты ненавидишь – ты не выздоровеешь.

Ненависть – ржавый нож, воткнутый тебе в живот.

Луве мужчина, но вроде все понимает. Может, он гомик – во всяком случае, вид у него женоподобный. Сорокалетний мужик с крашеными черными волосами, семьи нет, даже подруги, похоже, нет.

Луве повернулся к Нове – девушке, которая всегда говорила охотно. Которая не замолкала там, где останавливалась эта малышка, а продолжала молоть языком дальше. Что чувствуешь, когда тебе в прямую кишку заталкивают тридцатисантиметровый дилдо. Что чувствуешь потом, когда кал и кровь льются по ногам, а тебя хлопают по спине и говорят, что ты держалась молодцом.

– Нова... ты ведь прошла через нечто подобное, – сказал Луве. – Как ты справлялась? – Луве говорил спокойно, но Нова знала: он очень взволнован.

Его выдавали запястья тощих рук.

В крови у него билась злость, под тонкой кожей пульсировали жилки.

– Я блевала, пока желудок не опустеет, – сказала Нова. – Чистила зубы, пока из десен не пойдет кровь. Пила спиртное, пока меня снова не начинало рвать. Стояла в душе под кипятком. Иногда мыла себе между ног металлической мо-

чалкой. You name it⁸.

– Ты описываешь первичное самоповреждение... Ну а потом? Что ты сделала, чтобы жить дальше?

– Трепалась. Бренчала языком, как не знаю кто.

Луве кивнул, и Нове показалось, что он улыбнулся краем рта.

– Ты слушала рассказы остальных. Выслушала всех, кто здесь собирается. Ты принимала участие в обсуждении, делилась собственным опытом. Суть в том, чтобы разорвать порочный круг. Травма, от которой пострадала каждая из вас, одновременно и ваша общая травма.

– Одни поломались больше, другие меньше, – сказала Нова, и все поняли, что она имеет в виду малютку “Люсию”.

“Люсия” неприязненно взглянула на Нову, хотя ненавидела саму себя.

Потому что Нова сказала то, чего сама Алиса говорить не хотела.

Потому что Алиса застряла на первой фазе терапии – доверие терапевту, а Нова дошла почти до третьей. Она уже может обсуждать всю эту херню.

Нова считала, что расковырять раны, вскрыть, обнажить их необходимо. Останутся отвратительные шрамы, но это единственный способ излечиться.

“Люсия” ненавидит себя за то, что труслива, ничтожна и завистлива.

---

⁸ Продолжите список (англ.).

За то, что она отвратительна и жалка до мозга костей. За то, что настолько отстаёт от Новы.

– Какая же ты дрянь, – сказала Нова, глядя на миленькую маленькую Люсию, на ее ангельские волосы.

Лувэ вздохнул и попросил ее объяснить, почему она так говорит. Почему Нова говорит Алисе такие слова.

– Потому что она сама так думает. Вы же видите, я права. Она не протестует. Люсия, почему ты не говоришь, что все не так? Потому что ты со мной согласна. Ты дрянь.

– Ну хватит, Нова...

Одна из девочек хотела вмешаться, но Лувэ жестом попросил подождать. Какое-то время было тихо.

– Я не Люсия, – сказала наконец малышка. – Меня зовут Алиса.

– Маленькая гаденькая Алиса, – отозвалась Нова.

Девушка стиснула зубы, шея покраснела.

– Ладно, окей... Я мерзкая и отвратительная. Дальше что?

– Ты в этом не виновата. Тебя испортили другие. Понимаешь? Другие сделали тебя дрянью.

Алиса не ответила. Она опустила глаза и стала терзать ногтями тыльную сторону руки.

– Алиса, здесь все такие же, как ты, – сказал Лувэ. – Избавиться от подобных чувств трудно, но можно. Для этого мы здесь и собрались. Чтобы поддерживать друг друга... – Он бросил взгляд на Нову. – Думаю, ты тоже этого хочешь.

Нова кивнула и краем глаза увидела, что Мерси улыбает-

ся.

Мерси, которой пришлось хуже всех.

Мерси, которая из них из всех самая сильная.

Третья девочка

Танто

Кевин бросил взгляд на часы. Он почти не спал, так – подремал несколько минут над материалами расследования. Надо бы привести себя в порядок перед церемонией погребения, но бросить материалы было невозможно.

Чернокожая девушка, она же Блэки Лолесс, выглядела очень уверенной в себе.

Взгляд одновременно жесткий и пренебрежительный. Может быть, ее самоуверенность – броня; трудно понять. Смотреть на вторую девушку было труднее. Здесь броня дала трещину. Та, что называла себя Нова Хорни, пыталась выглядеть крутой, но ей явно не хватало актерского таланта, потому что выглядеть крутой у нее совершенно не получалось.

Кевин увеличил скриншот, где на заднем плане виднелись две худые голые ноги. Они могли принадлежать так называемому флафферу – ассистенту, которого используют, если надо поддержать у актеров эрекцию между дублями. Обычно флафферы выполняют свои обязанности за камерой, за кадром; к их помощи прибегают, когда снимают гэнгбэнг или сцены с множественной эякуляцией, те, что требуют большого физического напряжения.

Или же ноги могли принадлежать несовершеннолетней

девочке, ровеснице Новы и Блэки, подумал Кевин, глядя на изображение.

Третьей девочке.

Не разберешь.

Кевина раздражало, что у полиции нет примет взрослых мужчин-актеров, примет, которые можно было бы пустить в дело.

Кевин тяжело сглотнул. Ненависть, отвращение и страх питает одна и та же кишечная флора. У Кевина скрутило живот.

Что пережили эти девочки? Как их туда занесло?

Как все началось? И где они сейчас?

Кевин знал, что у распространителя роликов несколько имен.

Повелитель кукол. Puppet Master, или Master of Puppets.

А выходя на связь с несовершеннолетними, этот человек называет себя Петер.

По-настоящему хороший отец не перестанет поднимать свое дитя к небу “Ведьмин котел”

Ее зовут Мерси, и она сидит чуть позади Новы. Перед каждой сессией Мерси сдвигала стул на метр назад и как будто оказывалась вне общего круга.

Нова считала, что Мерси даже не задумывается об этом. Может, так она чувствовала себя в большей безопасности – лучше обзор, больше контроля. Или просто не хочет чувствовать себя частью компании.

Нова знала о Мерси почти все и все же плохо представляла, кто Мерси в глубине души. Мерси ее ровесница, но выглядит лет на десять старше. Она круче. Жестче. У Мерси нет ран – одни шрамы.

Есть страны, в которых Мерси значит цветок.

Она родилась в 1996 году в поселке возле города Кано, на севере Нигерии.

Не окажись ее отец гомиком, жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Мерси не пришлось бы бежать в Швецию, и ничто из того, что произошло с ней по пути, не случилось бы. Она не попала бы в лагерь беженцев на севере Емтланда, не попала

бы в Стокгольм.

И не познакомилась бы с Новой.

Не сидела бы сейчас в этой комнате, не говорила бы низким голосом, заставляющим всех прислушиваться к ее словам.

Мерси странно говорила по-шведски. В словах не ошибалась, но интонация была неверной. Мерси как будто фальшиво пела, но эта песня ни в малейшей степени не была неприятной; неверные тоны словно рождались где-то глубоко внутри, они звучали печально и в то же время красиво.

Всю сессию Мерси просидела молча, но теперь повернулась к маленькой светлой Люсии и заговорила.

– Ты – птенец. – Глаза Мерси поглощали всякого, кто в них заглядывал, без следа, но сами оставались непроницаемыми. – Ты еще не выучилась летать. Просто раз за разом выпрыгиваешь из гнезда, надеясь на лучшее. Но каждый раз падаешь на землю и больно ударяешься. А ты попробуй подняться в воздух. Пусть ветер унесет тебя вверх.

Только Мерси могла говорить такие вещи, чтобы никто не засмеялся. Заведи подобные речи Нова, остальных девочек бы уже в бараний рог гнуло от смеха. А Мерси все слушают в полной тишине.

Луве пошевелился, закинул ногу на ногу.

– А ты, Мерси... Когда научилась летать?

– Я не знаю, училась ли я этому. Мне кажется, что меня как будто кто-то несет. Держит за бока холодными руками...

Уверенной хваткой. Вот...

Мерси задрала кофту и указала на оголившиеся ребра.

Все увидели шрам, похожий на розоватую колючую проволоку; он начинался под одной грудью, тянулся наискось через живот и уходил под пояс штанов. Дальше видно не было, но Нова знала, что шрам опускается ниже лобка и заканчивается на внутренней стороне бедра. Мерси было двенадцать лет, когда боевики “Боко харам” распороли ее штыком – после того как изнасиловали. Потом надели ей на голову цинковое ведро и били по нему обрезком железной трубы, пока у нее не лопнули барабанные перепонки.

Все здесь, кроме, может быть, Луве, думали, что шрам – последствие неудачной операции. Какой-то загадочной кишечной болезни, поразившей ее в детстве. Мерси лгала всем, кроме Новы. Никто из девочек не знал, что Мерси росла в образованной семье, которая могла позволить себе хорошее медицинское обслуживание. Девочки считали, что у всех нигерийских детей от голода мушки в глазах и распухшие животы.

Они ничего не знают.

Мерси, пристально глядя на Луве, опустила кофту.

– Две руки, которые держат тебя? – спросил он. – Которые помогают тебе летать?

Мерси кивнула, но больше ничего не стала говорить.

Нова знала, чьи руки держат Мерси. Руки ее отца. Он держит Мерси и сейчас, спустя три года после того, как пропал

без вести. Держит, как держал ее, когда Мерси была маленькой и хотела летать.

По-настоящему хороший отец всегда будет поднимать свое дитя к небу. И не уронит его.

Мерси верила, что отец жив, хотя Нова в этом сомневалась.

– Мерси... – продолжил Луве, – ты ничего больше не хочешь нам рассказать?

Мерси смотрела не на Луве, а на Нову. Несколько секунд, словно чтобы дать другим понять: они вместе, и Нова знает, что скажет Мерси.

– Нет, но у меня вопрос. Почему мы не можем жить по двое в комнате? Комнаты же большие, места хватит. Неважно, чего человек успел добиться в терапии. Ночью все эти успехи не имеют смысла, потому что остаешься наедине со своими мыслями.

– Вы согласны с Мерси? – спросил Луве. И кивнул, поняв, что так думают все. – Я передам ваше пожелание руководству. Но не слишком надейтесь. Ваше желание идет вразрез с базовыми принципами лечения, и я не знаю, получится ли отступить от них.

Как хорошо, что Нова иногда проскальзывает к Мерси по ночам.

Что бы она делала – без тепла Мерси? Без рук Мерси, обвитых вокруг ее шеи?

Два, а иногда и три раза в неделю они спали вместе. Все

зависело от того, какой санитар дежурит ночью. Пара дежурных смотрели на такое сквозь пальцы, даже поощряли.

Например, Эркан.

Эркан даже устраивал так, что иногда им удавалось улизнуть. Завтра его смена, и Нова надеялась, что планы не изменились. Завтра в половине двенадцатого они отсюда выберутся. Их ждут несколько часов свободы, а потом придется возвращаться.

То, чем они собираются заняться, вряд ли можно назвать свободой, но это необходимое зло. Им нужны деньги. А еще им нужно взрастить в себе злость.

Фрейя тогда так и не вернулась. Наверное, занялась тем же, чем они займутся завтра, и решила продолжать.

Иногда легче притворяться кем-то другим, чем знакомиться с собой настоящей.

– Ну что ж. – Луве закрыл блокнот. – Закончим на сегодня.

Он все-таки нравился Нове. Похоже, ему и правда не все равно, что с ними будет. Он хочет вынуть из них ненависть – думает, что так правильно.

Но завтра ночью они его подведут. И сделают по-своему. Взрастят в себе ненависть.

Нова думала, что Мерси тоже, наверное, хочет стать нормальной. Во всяком случае попробовать, чтобы было с чем сравнивать.

Может, в “Котле” они и смогут стать нормальными. По-

смотрим. Чему быть, того не миновать.

С другой стороны, всегда можно послать все к черту. Стать ненормальной по максимуму.

Не быть ничьей рабой.

Нова и Мерси вышли из кабинета последними, и Луве запер за ними дверь. В коридоре Мерси сказала, что хочет курить.

Нова вышла следом за ней во двор. Остальные девочки сгрудились на крыльце под крышей, потому что шел дождь, но Нова и Мерси спустились к дороге. Отсюда было видно фабрику, походившую на гигантский крематорий.

– Интересно, что чувствуешь, когда убиваешь, – сказала Нова. – Кого-нибудь, кого реально ненавидишь.

Мерси уставилась в землю. Пнула камешек и потеряла подвеску-амулет, молитву-вранье.

Его зовут не Петер Танто

Стоя перед маленьким зеркалом в садовом домике, Кевин поправлял воротничок рубашки – старой отцовской белой рубашки. Зазвонил телефон.

Кевин не стал отвечать. Он продолжал возиться с воротничком, отгибал его так и сяк, но воротничок не хотел садиться нормально. Если застегнуть верхнюю пуговицу, то воротничок душил Кевина. А с расстегнутой верхней пуговицей Кевин начинал походить на плейбоя.

Как же тяжело, вплоть до самых пустяков, хоронить отца. Телефон тренькнул – кто-то прислал сообщение. Надев пиджак, Кевин набрал 222, голосовую почту.

Ища английскую булавку, которой можно было бы скрепить ткань между пуговицами, Кевин слушал мужской голос в трубке. Звонил коллега, Йимми Шварц. Они не то чтобы хорошо знали друг друга – так, виделись на работе время от времени.

Кевин... У нас тут погибшая девушка. У нее в телефоне полно фоток и видео, все про секс. Я краем уха слышал, что ты выслеживаешь одного глумера⁹... Наша погибшая близко

---

⁹ *Child grooming* – вовлечение несовершеннолетних в проституцию и порнографию, а также вхождение в доверие к детям с этой целью.

общалась с кем-то, кто называет себя Повелитель кукол, или Puppet Master, хотя похоже, что его настоящее имя – Петер.

Кевин застыл, зажав булавку большим и средним пальцами. Осторожно потрогал острие указательным пальцем. Коллега тем временем говорил, что есть прощальное письмо и почти все указывает на то, что девушка, Тара, совершила самоубийство.

Мне нужна твоя помощь, закончил Шварц и попросил Кевина перезвонить.

Кевин сунул телефон во внутренний карман пиджака, застегнул булавку между пуговицами, опустил воротничок рубашки и посмотрелся в маленькое, покрытое пятнами зеркало.

Напряженные челюсти. Кевин подавил внезапное желание заехать в зеркало кулаком.

Вместо этого зашнуровал ботинки, вышел и запер дверь.

Сел на ступеньку веранды, достал телефон. Голые деревья казались частью горы: серые стволы торчали из серого камня, будто руки великана.

Шварц ответил после первого гудка; пока он коротко излагал, что именно полицейские обнаружили в телефоне погибшей, а также что в настоящую минуту труп находится на экспертизе в Сольне, Кевин пытался представить себе угрожавшего ей мужчину.

Его зовут не Петер. Может быть, и не Улоф.

И выглядеть он может как угодно.

– Значит, ей угрожал в чате человек, которого мы ищем. И вчера она назначила “Улофу” встречу и написала прощальное письмо.

– В общем и целом – да. Мне не хочется распространяться о деле по телефону.

– А что именно ты не хочешь говорить?

– Что медэксперт обнаружил у нее во влагалище следы спермы.

Мама уже набралась Пять лет назад

Я знаю твоего классного руководителя.

Если ты через час-полтора не прилетишь фотографии, Роберт Мальм очень сильно удивится, когда завтра откроет почту.

Целую. Петер.

Слова заползали в нее. Буквы шевелили черными лапками на экране компьютера, словно отвратительные насекомые; ей казалось, что весь мир знает, чем она занималась в последние месяцы.

Он и раньше ей угрожал, но не так. Не подбирался настолько близко. После ее попытки соскочить все стало только хуже, а теперь он еще и прознал, что Роббан – ее учитель.

Но она не может сделать новые фотографии прямо сейчас. Слишком рискованно.

Нова села в кровати, привалилась к стене и поставила ноутбук на колени. “Вряд ли получится, – написала она. – Мама с папой дома, и у нас куча народу”.

Из гостиной доносился шум; понятно, еще долго не закончат. Звяканье стаканов и бутылок, громкие голоса, суета. Замок в ванной легко поддается, если дернуть за ручку, а в ее собственной комнате даже ключа нет.

Ответ пришел почти сразу же.

Милая Нова, я начинаю терять терпение. Ты пишешь “мама с папой”, но я знаю, что твой родной отец умер, а Юсси тебе отчим.

Юсси? Откуда он знает?

Петер знает все.

Пара секунд – дрожа, как бывает перед слезами, – и картинка появилась на экране. Снято, как она сейчас сидит: в кровати, спиной к стене.

Из нее хочет вырваться чудовище. Затхлая тяжесть в груди, в животе, в горле. Нова загнала ее назад, сглотнула. Пока не время.

Пальцы помедлили на клавиатуре. “Ладно”, – написала она, и через несколько секунд на экране возникла улыбающаяся рожица. Потом он отсоединился.

В голове только слабый шум. Как будто мелкие камешки трутся друг о друга.

Нова взяла телефон и вышла из комнаты, на звуки вечеринки.

В гостиной говорили о ловле раков. В выходные ее тоже возьмут в Накку. Они с Юсси и братом будут ловить раков в заповеднике ночью. Рыбачить там, конечно, запрещено, но удержаться трудно – в озере столько раков!

Казалось, что до пятницы еще несколько лет.

– Я в душ, – объявила Нова. – Кому-нибудь нужно сначала в туалет?

Мама кивнула на ее мобильный:

– По мобильному же можно и в комнате поговорить?

Мама уже набралась. Глаза блестят, на щеках проступили тонкие красные ниточки.

В гостиную вошел Юссе.

– Все, туалет свободен, – сказал он и сел на диван. – Иди в душ.

Нова надеялась, что музыка играет так громко, что ее никто не услышит. Не услышит, как она, глядя в камеру мобильного телефона, обращается к человеку, который сегодня вечером будет смотреть ролик.

Может быть, она будет обращаться и к другим мужчинам, если он распространит видео.

Она заперла хлипкую задвижку, закрыла дверь туалета. На нечистой раковине стоял флакон жидкого мыла “Пальмолив”. Надо, чтобы оно было медовое, потому что желтоватый оттенок выглядит реалистичнее.

Пусть капает на тело и лицо, остается лужицами, тягучими каплями или тянется нитями. Он называл такие фотографии “мазня”. Нова видела похожие в интернете.

В голове у нее шуршали камешки и песок.

Нова разделась и встала перед зеркалом. Увидела, как шевелятся губы, как шепчут слова, которые он хочет услышать.

Надо потренироваться. Если выйдет нехорошо, он ее раскусит. Нова уже посылала ему видео, но он остался недоволен, написал, что она плохая актриса, что он ей не верит и

что она забыла его советы.

Ты должна прочувствовать собственные слова; только тогда выйдет достоверно.

Нова попробовала еще раз, пошептала громче; повторив фразу несколько раз, приладила мобильник на раковину и нажала “запись”.

Отступила на пару шагов назад. Огладила себя по почти плоской груди и животу. Попыталась улыбнуться, отвела волосы в сторону.

– Я так люблю большие члены. Так люблю, когда меня трахают, – прошептала она, и ей показалось, что слова эхом отражаются от кафеля.

Фоном гремела музыка из гостиной, любимая песня Юсси; Нова согнула колено, поставила ногу на раковину, навела камеру. Потом потянулась к стаканчику с зубными щетками. Ее щетка – желтая. У брата синяя, у мамы – сиреневая, у Юсси – красная. Нова выбрала красную, потому что другой цвет почему-то казался ей неправильным.

За дверью продолжалась вечеринка – Нова уже не помнила, когда она началась, а закончится не раньше, чем все разойдутся.

Самая убогая девочка в школе, подумала Нова. От меня воняет черт знает чем, я уродина. Пройдет пара лет, и я буду сидеть там, со всеми прочими. Пьяная или под кайфом. Оцепеневшая, в компании живых мертвецов.

Все было кончено в несколько секунд

Пять лет назад

Пусть муравей ползет по руке, от пальца к пальцу. Интересно, каким он видит мир? В глазах самой Мерси мир становился все больше и больше. Когда она была маленькой, она думала, что их поселок занимает чуть не весь континент, что до Южной Африки рукой подать, а Гибралтарский пролив еще ближе, но сейчас она знала, что все не так. До Вудила, где работает папа, ехать недолго, а вот дальше, до Кану, второго по величине города страны, дорога уже бесконечная, а ведь Кану – всего лишь точка на карте. А сама Нигерия – просто пятнышко на Африке, которая, в свою очередь, пятнышко на земном шаре, который – микроскопическая точка в Солнечной системе. И так далее, до бесконечности.

От муравья пальцу было щекотно. На муравье, конечно, куча клещей, а на клещах – бактерий. И все живут в разных мирах. Но муравью на это, наверное, наплевать. Мерси сдула его с пальца и поднялась с бревна.

Трава была жесткой и ломкой от солнца; раньше здесь было просто тепло, и буро-зеленая вода приносила с собой прохладный ветер с гор. Вокруг Мерси лежали поваленные деревья; лес из времен ее раннего детства валялся теперь у реки кучей хлама. На берегах ее детства построят новые дома.

Раньше все было так просто! Папа каждое утро ездил на

автобусе в Вудил, где преподавал в техническом университете, а мама, стоматолог, работала на той же улице, где они жили. Родители любили друг друга, а двое младших братьев Мерси всегда смеялись.

Теперь Мерси знала, с папой неладно, и поэтому все не так, как раньше.

Поодаль мужчины валили деревья, и звук бензопилы время от времени прерывался шумом падавшего дерева.

Мерси забралась на возвышение, села и стала смотреть, как работают мужчины. Между ветками крест-накрест свисали веревки, а внизу, в зелени, сверкали, как солнце, как цветки сальпиглоссиса, десять пластмассовых касок. Одни мужчины расчищали подлесок, другие готовились валить следующее дерево.

Папа Мерси в молодости валил лес, чтобы добыть денег на учебу. Потом получил место преподавателя в том же университете, где учился. А теперь у него проблемы на работе, потому что он сделал что-то незаконное вместе с одним своим студентом, парнем моложе его самого на несколько лет. Но так как никто, а в особенности ее родители, не хотел об этом говорить, Мерси не очень понимала, что произошло. Знала только, что что-то нехорошее.

Мерси было видно их дом и как папины рубашки сушатся на веревке, натянутой между задней дверью и чуланом. На каждый день недели свой цвет, и таких у него было два комплекта. Желтая, голубая, красная, зеленая, оранжевая, розо-

вая и фиолетовая. Вспомнит ли она через несколько лет эту картину – семь разноцветных рубашек?

Вот она сидит тут на холме и смотрит на все вокруг, а потом, может, ничего и не вспомнит. Мальчик едет по центральной улице на красном мотороллере, серая полосатая кошка трется об угол дома. Какая-то женщина выбивает ковер на балконе. Желтые каски лесорубов, звук бензопилы, громкий шелест ветвей и глухой удар: дерево упало.

Мерси стала припоминать, что она сегодня делала. Мелочи какие-то. Утром покрутила пластмассовый винт стульчака, а после завтрака выковыряла кусочек хлеба, застрявший между зубами. Когда она полчаса назад уходила из дома, то сняла туфлю и вытряхнула камешек, который натирал пятку.

Папа говаривал, что небо не помнит своих дождей, а ветер – своих песчаных бурь, и Мерси вдруг поняла, что это значит. Человек не помнит самого движения, его просто несет потоком, через дни и недели, все дальше и дальше. Изобилие всего – только здесь: желтые цветки сальпиглоссиса, удары острых, как бритва, мачете и громкие хлопки выбивалки.

Желтые каски внизу. Блестящие от пота голые торсы.

Вдруг один мужчина рухнул на землю и забился в судорогах. Остальные бросились к нему, слышались крики, и Мерси поднялась, чтобы лучше видеть.

Мужчину укусила змея. Мерси поняла это, увидев, как черная мамба – черная не снаружи, а изнутри – извиваясь, уползает в низкую траву у берега реки. Змея получила свое

имя по угольно-черной пасти, которую раскрывает перед броском.

Мужчина, тяжело дыша, лежал на спине. Из голени шла кровь; один из его товарищей склонился к нему и что-то сказал, махнул рукой, подошли еще двое. Один из них нес бензопилу, и Мерси поняла, что сейчас будет. Ей захотелось зажмуриться, но она заставила себя смотреть. Мерси твердила себе: лучше увидеть все своими глазами, чем потом мучиться от ночных кошмаров.

Один из рабочих достал мобильный телефон и куда-то позвонил. Поговорил с полминуты, а потом кивнул мужчине с бензопилой. И тот привел ее в действие.

Крика не было, только звук бензопилы изменился, стал пронзительнее, когда перепиливали кость. Смола и древесная стружка, подумала Мерси. Мелкие, мельчайшие опилки. Не труднее, чем отпилить ветку.

Все было кончено в несколько секунд.

Сидя на холме, Мерси наблюдала, как человека с отпиленной ногой перевязывают, как обрубок укладывают повыше. Из сумки-холодильника вытащили контейнеры с едой и вместо них сунули в сумку отпиленную ногу. Десять касок желтым букетом окружили покалеченного. Товарищи гладили его по лбу, держали за руки и говорили с ним, пока не приехала “скорая”. Когда санитары клали рабочего на носилки, он, кажется, улыбался.

Опускались сумерки; пора домой. Но Мерси чувствовала бесконечную усталость и дурноту. В воздухе разливался густой запах горячего молока, похожий на запах из открытой раны, а цвета в сумерках казались ярче и глубже. На том месте, где отпиливали ногу, в глаза било красное пятно, а река приобрела глубокий зеленый оттенок, отчего вода казалась тяжелой и вязкой, как нефть.

Мерси и не заметила, как рабочие собрали инструменты и ушли. Она завертела головой во все стороны, но на берегу, где валили лес, уже никого не было. На улицах поселка тоже никого. Светилось только несколько окон, и Мерси показалось, что где-то включено радио. И все же у нее было ощущение, что рядом кто-то есть. Как щекотка вдоль позвоночника и “гусиная кожа”. Мерси была здесь одна, но за ней как будто кто-то наблюдал.

Она еще немного посидела, потом поднялась, отряхнула платье и отправилась домой. По дороге она, как учил папа, громко топала, чтобы отпугнуть змей. Защитить себя со всех сторон не получится. Умереть может любой человек, в любую минуту.

Мерси приблизилась к поселку; светилось кухонное окно маленького домика. По четырем теньям на желтой стене возле мойки Мерси поняла, что семья села ужинать, не дождавшись ее.

Она открыла дверь; навстречу густо пахло эбой, кашей из кассавы с жареным мясом. В очаге потрескивал огонь.

Тепло охватило Мерси.

– Где была? – Папа сдвинул очки на кончик носа.

– Я видела черную мамбу. – Мерси подошла к плите и взяла кусочек мяса со сковородки. – Она укусила лесоруба.

Мерси села за стол и стала рассказывать.

Отец кивнул.

– У одной мамбы яда хватит, чтобы убить тридцать человек. Если бы лесорубу не отпилили ногу, он бы не выжил. Думай, что для него все кончилось неплохо, и не бойся змею. Уважай ее. Она не пускает сюда крыс, а чем меньше крыс, тем меньше болезней.

Они молча поужинали. Потом мама подхватила близнецов, на каждую руку по одному, и ушла в спальню. Мерси осталась с папой. С папой, которому плохо.

Мерси это видела по нему. По морщине, которой она раньше не замечала, по глубокой морщине на лбу, словно папа обдумывает что-то тайное.

А вдруг, когда постареешь, то всю свою жизнь сможешь вспомнить только по морщинам?

Может, морщина под правым глазом у отца появилась после смерти дедушки, а под левым – когда заболела бабушка? А веселые “гусиные лапки” в углах глаз – три года назад, когда родились братья Мерси?

Братишки такие милые, кругленькие, теплые. Даже пот у них пахнет приятно. Мерси им завидовала. Они всегда были друг у друга. А Мерси была одна.

Они с папой стали вместе убирать со стола, и Мерси заметила, что отец хочет ей что-то сказать, но не знает, как начать.

– Что вы такого сделали? – спросила Мерси. – Вы с тем студентом... И почему никто не хочет об этом говорить?

Отец не ответил. Открыл кран и стал мыть посуду.

Мерси уселась за стол и принялась наблюдать за его движениями. Папа, как и она сама, был высоким и худым. Двигался он тоже, как она, и точно так же ходил чуть враскачку. Если не считать очков, они и на лицо были похожи. Высокие скулы и маленький нос.

А младшие братья уродились в маму. Маленькие и толстенькие, с ямочками на щеках.

Отец ополоснул тарелки, закрутил кран и стал вытирать руки, поглядывая на Мерси.

– Наверное, ты еще маленькая, не все поймешь, – сказал он, – но я тебе расскажу как есть.

Отец сел напротив Мерси и ласково взял ее за руки.

Он заговорил о том, как любит ее и ее братьев, как боготворит их мать.

– Когда мы поженились, мы оба знали, кто я, но она приняла меня таким. Я люблю ее больше всего на свете, и то, что произошло, не было супружеской изменой, как считают некоторые...

– Я не поняла. Ты про что?

У отца заблестели глаза.

– Мы с тем студентом – кстати, его зовут Годфри – очень близко подружились. У нас... – Он снял очки и сморгнул слезы.

– Что у вас? – спросила Мерси, хотя ей казалось, что она уже знает ответ.

– У нас была любовная связь, – продолжил отец. – А теперь это проблема, потому что кто-то узнал и донес в полицию.

– Мама донесла? – У Мерси скрутило живот.

Отец рассмеялся.

– Ну что ты... Мама знала про нас с Годфри с самого начала. Я думаю, это кто-то из моих университетских коллег.

Мерси каким-то образом всегда знала, что ее папа не такой, как другие папы.

– Ты любишь Годфри? – спросила она – тихо, хотя ей хотелось заорать.

– Да... Но я и маму люблю.

Мерси верила ему, потому что почти не сомневалась: она сама такая же. Ей нравились и мальчики, и девочки. Но сомнения остались. А вдруг папа их бросит?

Отец снова взял ее за руки.

– Нас с Годфри вызывали на допрос в полицию. И мы солгали. Но пошли слухи, может быть, они уже нам навредили. Правду хорошо говорить потому, что потом не приходится вспоминать, что сказал. А во лжи самому легко запутаться.

Отец устался в стол. Мерси не знала, что сказать.

В голове проносились разные плохие слова, но звучал и другой голос. Голос, который говорил о папе хорошее, который жалел его. Который хотел ему помочь.

– Я могу пойти в полицию и сказать, что ты невиновен, что ты любишь нас, а не этого Годфри. Что вы с мамой женаты.

Потом папа заговорил о том, что Мерси и так уже знала. Что они с мамой никогда не были особенно религиозными. Они считали себя агностиками, что означало – они ни верят, ни не верят в высшие силы.

Папе не нравилось, какую деятельность развили в поселке священники.

– Они как будто предлагают людям яхты, но моря здесь нет. Людей учат на всех парусах плыть к миражу.

Еще отец рассказал, что силу набирает исламское движение “Боко харам”. Десять лет назад это была мирная группировка “Общество приверженцев распространения учения пророка и джихада”, но теперь к ним все активнее подтягиваются фанатики.

– Как сорняки, выросшие из одного семени. Их идеи уже расползаются даже по университету. У меня есть коллеги, которые всерьез хотят запретить всякое западное влияние в образовании. Боюсь, я больше не смогу там преподавать.

Мерси молча слушала рассказ отца о том, как “Боко харам”, под предводительством харизматика Мохаммеда Юсуфа, начала преследовать христиан, пока еще остававшихся здесь, на севере. Общаться с христианами стало опасно,

и Мерси подумала про жившую в их поселке Блессинг, свою подружку по играм. Они были ровесницы, и имена у них хорошо подходили. Мерси и Блессинг. Милость и Благословение.

– Я хочу сказать тебе кое-что еще.

Папа словно постарел за время разговора; Мерси заметила новую морщинку, тонкую черточку в углу рта.

– Мы только что узнали, что Годфри болен.

Мерси услышала, как у него дрожит голос.

– Болен?

Отец кивнул.

– Есть риск, что я тоже болен.

Он не стал уточнять, Мерси и так знала, о какой болезни речь. Она подошла к отцу и обняла его. Отец погладил ее по голове и спросил, хорошо ли она себя чувствует.

– Не знаю, – сказала Мерси. Она чувствовала пустоту внутри. Словно что-то исчезло, что-то отняли у нее. Ей вдруг захотелось уйти. – Можно мне на улицу?

– Там уже темно, ни зги не видно. – Отец улыбнулся. – Куда ты собралась?

– Сбегаю к Блессинг. – Мерси сказала первое, что пришло ей на ум.

– Ну да... – Отец погладил ее по щеке. – Иди, поиграй.

И Мерси ушла.

Поселок тревожно ворочался, словно мучимый бессонницей ребенок. С приходом темноты жара никуда не делась, и

когда Мерси подходила к дому единственных здесь христиан, платье от пота прилипало к телу.

Она уже несколько недель не виделась с Блессинг и сегодня тоже, наверное, не пришла бы, если бы не услышанное только что от папы.

Насколько Мерси знала, никто в поселке не испытывал ненависти к родителям Блессинг. Напротив, они пользовались уважением; отец заседал в местном совете, мать, парикмахерша, стригла на дому. Почти все жительницы поселка стриглись у нее, по вечерам здесь толпились женщины, но сейчас окна в доме были темными, а людей не видно.

Мерси постучалась, но ей никто не открыл, и она растерялась, не зная, что делать дальше. Домой возвращаться не хотелось. Мерси забрела на задний двор и села на низенькую каменную ограду, с которой открывался вид на реку.

В темноте воды не было видно, но Мерси слышала ее. Глухой шум, вроде как когда крепко зажмешь уши ладонями. Папа говорил, что это шумит ее собственный кровоток, и Мерси стала представлять себе реку, полную крови – как она течет через страну длинной красной артерией.

Вскоре глаза привыкли к темноте, и Мерси заметила, что ниже по склону что-то есть. Из земли торчало что-то белое; Мерси шагнула вниз с низкой ограды и присела на корточки. Белым предметом оказались две спички, связанные резинкой наподобие креста. Мерси выдернула крест из земли, разрыла пальцами сухую землю и почти сразу же наткнулась

на что-то жесткое.

В земле лежал спичечный коробок – таких везде полно. Желто-красный, “Three stars”, с тремя звездочками, под которыми значилось “safety matches – made in Sweden¹⁰». Мерси открыла коробок. Увидела белый лоскуток, приподняла.

Под лоскутком оказалось сморщенное насекомое, высохшее, серое, словно пепел. Может, бабочка.

Кто-то играл в похороны.

---

¹⁰ “Три звезды”. “Спички. Сделано в Швеции” (англ.).

Бедняжка Кевин Костнер расплакался Тропа семи источников

Когда Кевин прибыл к церкви Скугсчуркугорден¹¹, над бурыми холмами висел тонкий туман. Кевин припозднился — было без пятнадцати одиннадцать, — но все же неторопливо направился к кладбищу, к вязам на холме. Слева располагались крематорий и часовня Святого креста, справа начинались первые могилы, по обочине тянулись фонари в виде цветов. От часовни Кевин свернул на Тропу семи источников. *The terrible craving to make death our whore*¹², подумал он. Интересно, откуда цитата? Похоже, из какого-то фильма семидесятых. Киномания портит человека.

Мы украшаем смерть цветочками, чтобы поменьше бояться ее. Может, и так. Но кладбище Скугсчуркугорден было создано в том числе и для того, чтобы погрузить человека в скорбь. Кевин уже был здесь на этой неделе, служитель рассказывал, что дорогу проложили на месте просеки, где сто лет назад был гравийный карьер. Аллея, длина которой по какой-то причине составляла ровно восемьсот восемьдесят восемь метров, начиналась плакучими березами, за которыми

---

¹¹ Букв. “Лесное кладбище”, объект ЮНЕСКО.

¹² Страстное желание превратить смерть в продажную девку (англ.).

ми следовали березы обычные. Их сменяли сосны, дальше – ели. Чем ближе к часовне Воскрешения, тем темнее становился лес. Смысл в том, чтобы скорбь нарастала к концу пути, к церемонии прощания.

Отец Кевина, атеист, всегда питал отвращение к этой идее. Называл ее религиозной манипуляцией. Способом пометить территорию смерти и скорби.

И похоронят его не на христианский манер, подумал Кевин, хотя прощание будет в часовне перед алтарем с крестом.

Пора поиграть в похороны. Короткая гражданская панихида, приглашенных мало. Двоюродный брат, кое-какие друзья детства, старый сосед и пара-тройка давних сослуживцев, коллег из полиции. И среди них – Вера, единственная, кого Кевин хотел увидеть. Его старший брат сделает все возможное, чтобы уклониться от присутствия на похоронах. Он, а также дядюшка-извращенец.

Дядя, на которого он должен был заявить в полицию. Но не заявил, а сам стал полицейским, как отец.

Вдоль дороги все еще тянулись березы, стало тише. Может быть, потому, что дорога устроена глубоко. Как будто проложена под землей.

Послышался сухой шелкающий звук, и над дорогой пролетел черный дрозд. Теперь по обе стороны высились сосны, воздух стал суше и прохладнее.

Кевин достал телефон, проверить, не звонил ли кто-нибудь. Его шеф, Лассе, уже должен был получить новую ин-

формацию насчет погибшей девочки.

Тара. Еще одно имя из кукольного дома Петера.

Но Кевин сомневался, что человек, с которым девушка вчера занималась сексом, — тот, за кем охотится полиция. Ничто в материалах следствия не указывало, что Повелитель кукол вступает в прямой физический контакт со своими жертвами. Вне интернета его как будто не существовало.

Тара — первая, кого он довел до самоубийства. Во всяком случае, насколько известно полицейским.

Если это действительно самоубийство.

Убийство тоже нельзя исключать.

Сосновый лес сменился густым ельником. Еще сотня метров — и Кевин увидел четыре колонны часовни и группку людей в тени под портиком. Кевин посмотрел на часы. Без четырех минут одиннадцать. Он прибавил шагу и плотнее запахнул на себе куртку.

Часовня Воскрешения походила на античный храм; Кевину показалось, что такой храм требует известного почтения. Он расправил плечи и последний отрезок пути прошел более чинным шагом.

Перед часовней его встретила печальная группка одетых в темное пожилых людей, таких хрупких и сухоньких, словно они могут рассыпаться от дуновения ветра. Ни Веры, ни брата не было видно. Зато дядя-извращенец на месте. Кевин знал, что оба сделают вид, что ничего не было.

Как всегда.

А если, против ожидания, тема вдруг будет затронута, то ведь “дело” прекращено за давностью лет.

Кевин кивнул старикам. Четыре безымянных для него лица, он с ними не знаком, и никакого желания знакомиться у него нет.

Он подумал о Таре, девочке, которой больше нет на свете. И которой стыд так и не позволил заговорить.

– Кевин... ты опоздал. – Дядя-извращенец шагнул к нему и протянул руку; пожатие у него оказалось крепче, чем можно было ожидать от такого немощного на вид тела. – И все такой же панк... Тебе же скоро тридцать?

Мне было девять, когда ты заставил меня дрончить тебе.

– Мне двадцать семь.

Я четыре года работал с такими, как ты, я ругался на подростков, которые не решаются заявить на своих отцов, дядей, соседей или учителей. Но я и сам не решился заявить на тебя, так какое у меня право требовать смелости от других?

– Двадцать семь? И уже достучался до того, что тебя выперли с работы?

– Меня перевели...

Меня перевели в другой отдел, потому что однажды вечером я наткнулся в пивной на такого, как ты. Я узнал его. Его в тот раз отпустили, хотя я точно знал, что он виновен. Он сидел у барной стойки в компании юной девочки, слишком молодой, ее даже пускать туда не должны были,

и когда я увидел, как он ее трогает, то сорвался.

– Перевели? Ага, так говорят, когда...

Я вломил этому скоту в челюсть, один-единственный удар, и он свалился на пол. Меня оштрафовали за нападение с применением силы, на два месяца отстранили от работы и отправили к психологу, который счел, что я утратил контроль над собой из-за службы в угрозыске. Я каждый день смотрю видеозаписи, где кишат такие типы, мне нужен перерыв, психолог рекомендовал мне пока избегать монитора, и меня перевели в оперативный отдел. Допрашивать не преступников, а жертв. Идиотизм, если не сказать грубее.

Дядя-извращенец улыбнулся и похлопал Кевина по плечу.

– А ты не думал поступить на работу в цирк?

Сначала Кевин не понял, о чем он. А потом осознал, что машинально достал из кармана йойо. Сколько он уже стоит и запускает игрушку на веревочке вниз-вверх? Кевин не знал. Йойо стало для него частью тела. Кевин убрал игрушку в карман.

Возьми себя в руки.

– Кстати, я слышал, что поминальной службы не будет?

– Не будет. Я отменил, когда узнал, что мама очень больна и не приедет.

– Жаль, что с сестрой так вышло... Ну, рад был с тобой поговорить.

А вот я бы запросто обошелся.

Кевин отошел в сторону, повернулся спиной к собрав-

шимся и достал телефон – притворился, что занят, но за спиной уже слышался хруст гравия, и чья-то рука легла ему на плечо.

– Мистер Костнер... Какая приятная встреча.

Посмотрев “Сильверадо”, мать совершенно влюбилась в Кевина Костнера и сразу поняла, как назовет своего недавно родившегося ребенка. Кевин вырос киноманом, и его брат никак не мог удержаться от шуточек на этот счет.

– Еле добрался... – И брат принялся жаловаться на неудобство перелета из Хьюстона в Стокгольм через Лондон.

Ну ты и разжирел. Неудивительно, что тебе в самолетах неудобно.

Вера, где ты застряла? Я уже еле держусь.

– К маме заедешь? – машинально спросил Кевин.

– Я собирался в Фарсту, когда тут все закончится. Хочешь со мной?

– Сегодня не успею, – соврал Кевин.

Надо бы заехать к маме, но уж точно не с братом. Может, завтра, с Верой, или послезавтра, если рабочее расписание позволит.

Им пришлось прервать разговор: дверь часовни открылась. Служитель узнал Кевина и улыбнулся, потом поздоровался с собравшимися.

У входа стояла ваза с красными розами, их следовало класть на гроб; Кевин взял одну и стал на ходу перекачивать

стебель в пальцах.

Изнутри часовня была белой, за исключением изящных синих деталей на потолке. Где-то наверху сидел органист; снизу его было не видно, и Кевин подумал – это чтобы у скорбящих создалось впечатление, что на них льется небесная музыка.

Кевин узнал музыку, лишь сев на свое место. Он сам ее выбрал, и все же мелодия застала его врасплох. “Утанмира” Яна Юхансона. Он выбрал эту песню ради мамы, но мама даже не смогла приехать.

Тут же подступили слезы. Печальные звуки органа перенесли Кевина на пятнадцать лет назад, в то лето на севере, в Онгерманланде, во времена, когда родители еще были счастливы. Они снимали домик, и мама ставила эту пластинку, а поодаль блестела Онгерманэльвен, папина река.

Их трое, здесь только они, тишина, луговые цветы и высокие небеса.

– Ну-ну... – Брат похлопал его по колену, как ребенка, и протянул бумажную салфетку. Жест ласки и участия, но у брата он вышел каким-то унижительным.

Бедняжка Кевин Костнер расплакался.

Когда орган отзвучал, служитель встал перед алтарем, располагавшимся, по христианской традиции, на востоке и символизировавшим восход солнца, воскрешение. Он заговорил, и стало неважно, что на нем серый будничный костюм. Он все равно выглядел как священник.

Служитель сказал несколько слов об отце, а потом повернулся к Кевину.

– Никогда не становись полицейским... Так говорил ваш отец, после тридцати лет службы в полиции, а вы, Кевин, рассказывали, что в глубине души он все-таки до конца оставался именно им. Полицейским...

Кевин склонил голову и перестал слушать. Он знал речь заранее – сам же и одобрил ее окончательную версию не далее как сегодня утром, по электронной почте.

В глазах защипало, и Кевин опустил глаза на мозаичный пол цвета слоновой кости. Снова и снова повторялся рисунок – квадратные камешки перемежаются извивающимися змеями.

Потом Кевин посмотрел на руки, мокрые от слез. Служитель вдруг замолчал.

По полу простучали чьи-то шаги, и Кевин поднял голову. Прибыли еще двое желающих проститься.

Одну из них Кевин ждал. Высокая стройная женщина лет семидесяти, копия Хелен Миррен с ярко-рыжими волосами. Вера Дагерман, которой коллеги-полицейские дали прозвище “Замдиректора”: она руководила своим отделом, как предпринимательница – фирмой.

А вот второго посетителя Кевин совсем не ожидал увидеть.

*A loving mother reuniting with her lost son*¹³, подумал он.

---

¹³ Любящая мать воссоединяется с потерянным сыном (англ.).

Пережившие обычную травму

“Ведьмин котел”

Прежде чем зайти в кабинет, Луве бросил взгляд на полосу пластика со своим именем. На табличку, изготовленную на принтере для этикеток. Когда Луве в первый рабочий день показывали офис, табличка уже была на двери, и он тогда подумал, что у нее дешевый вид. Сейчас табличка отклеилась по краям, и клеевая полоска покрылась тонким слоем черной пыли. Луве думал заменить табличку на настоящую, но теперь это уже не казалось ему необходимым.

Грязный, затертый прямоугольник давал понять: хозяин кабинета ничуть не лучше остальных, он не начальство. Ему и так сойдет.

В окно лился молочно-белый свет, от которого бумаги на столе казались серыми. Луве уже привык не переписывать свои заметки начисто сразу после сессии; он оставлял записи отлежаться несколько недель, чтобы перечитать их новыми глазами и уж потом переписывать начисто. Сейчас на столе были разложены записи, сделанные во время индивидуальных сессий с Мерси.

Беседа с девочками состоится сегодня, чуть позже. Луве поражало, насколько одинаково они рассуждают, при таком разном происхождении.

Естественно, они очень близкие подруги, если не сказать

– неразлучные, и в том, что касается мужчин и сексуальности, у них схожий опыт. Но иногда их реплики звучат, как отрепетированные. Длинные, практически одинаковые рассуждения на самые разные темы, словно девочки находятся в ментальном контакте друг с другом. Пример – постоянно возникающий страх перед пресмыкающимися и мелкими насекомыми, фантазии, свойственные детям помладше. Хотя с чисто юридической точки зрения они и есть дети, несмотря на пережитые несчастья и испытания. Особенно часто в их личной символике возникали змеи – вероятно, они репрезентировали страх, надвигающуюся опасность, в других случаях – внутренние перемены или...

Луве усталился в бумаги, подбирая нужную формулировку.

Смерть, ненависть и злобу, написал он наконец, надеясь, что потом сумеет развить эту мысль.

Собирая бумаги, он заметил, что одна страница попала сюда после сессии не с Мерси, а с Новой. Да, ему иногда трудно отделить одну девочку от другой, и неудивительно, что он иногда путал записи, хотя это и непрофессионально. Луве отложил бумаги и посмотрел в окно.

Поодаль девчонки, сбившись в стайку, курили и смеялись над какой-то ерундой.

Луве вспомнилось его собственное детство и отрочество, папа, мама. Несколько лет сжались до нескольких мучительных секунд; потом Луве прогнал воспоминания и вернулся

к размышлениям о Мерси.

В начале терапии Мерси была довольно замкнутой, и сначала он думал, что это из-за языка. Оказалось – он ошибается, поскольку она говорила по-шведски в общем и целом без ошибок. В ее шведском даже слышалось норрландское влияние – сказалось время, проведенное на севере, в Емтланде. Мерси – в высшей степени умная девушка, к тому же эрудированная, и Луве очень скоро пришлось пересмотреть свои стереотипы касательно нигерийских беженцев. Как-то раз, заметив, насколько Луве удивлен ее осведомленностью в предмете, Мерси выдала комментарий, который Луве поспешил записать. *Нигерийцы – в противоположность тому, как о них принято думать – хорошо интегрированы в шведское общество. Елки, да почитайте о Докторе Албане¹⁴. Зубной врач, всенародно любимый музыкант, приятельствует с Бьёрном Боргом.*

“Интегрированы” и “в противоположность тому, как”, подумал Луве. Нечасто услышишь такие слова от шестнадцатилетнего человека, прожившего в Швеции всего два года.

Луве стал листать свои записи дальше. У Мерси в прошлом имелось что-то, что она от него скрывала. Иногда она бывала более или менее откровенной, особенно когда речь шла о выражении абстрактных мыслей, но глубин ее души Луве пока не достиг.

---

¹⁴ Албан Узона Нвапа, шведский музыкант нигерийского происхождения, владелец звукозаписывающей студии.

Мерси раз за разом возвращалась к одной и той же теме: ужас, который внезапно накатывал на нее через равные промежутки времени. Луве считал, что речь идет о панических атаках, хотя все было не так просто. Иногда Мерси описывала чувство довольно размыто – “страх, которому я не могу подобрать названия” или “рядом что-то, что желает мне зла”. А иногда бывало очевидно, что страх мучит ее физически. Луве подчеркнул несколько фраз.

Воздух как будто тяжелый, трудно дышать.

Давит в груди.

Хочется спрятаться, не думать, но не получается. Лучше сдаться этому чувству, поддаться ему, и тогда оно исчезнет само.

Луве знал, что обе девочки долго занимались самолечением, чтобы не дать страху вырваться наружу. Алкоголь, наркотики и секс сработали как обезболивающее. Когда Мерси больше года назад приехала в Скутшер из емтландского Брэкке, она уже пила вовсю.

Конечно, за всем этим могли стоять классические причины – стыд и чувство вины, Луве называл их триггерами. Страх смерти, подумал он. Ненависть, отвращение... Но где их корни?

Луве был почти уверен, что страх Мерси порожден одним событием, произошедшим в Нигерии, когда Мерси было двенадцать лет; вероятно, имело место изнасилование, а может, и убийство. Во всяком случае, все началось еще до

побега, до трагических событий в ее семье.

Луве откинулся на спинку стула, и тут ему кое-что пришло в голову.

Он вернулся к записям и очень скоро отыскал нужное место.

Нам пришлось бежать. “Боко харам” подожгли один дом в поселке, и нам там стало небезопасно.

Это было одиннадцатого сентября.

Луве тогда добавил еще запись – о том, как Мерси натянула юбку на сжатые колени и объявила, что не хочет больше говорить.

Он знал, что семерых из десяти подвергшихся изнасилованию словно парализует, такое состояние называется “frozen fright” и означает, что жертва не в состоянии оказать сопротивление.

Мерси к этой категории не относится, подумал Луве и принялся собирать записи.

Конечно, остальные девочки из “Ведьминого котла” тоже пережили тяжелую травму. Но по сравнению с Мерси... Луве поразмыслил. Естественно, ему не хотелось говорить про тех, других девочек “обычные”, скорее – “пережившие обычную травму”. Как хорошо, что никто не может прочесть его мысли.

Что никто не сможет услышать голос, который звучит у него в голове.

Голос, неумолимо твердящий одно и то же.

Луве Мартинсон сложил бумаги в папку, а папку застегнул.

Иногда он узнавал в этих девочках себя. Подростком он не был уверен в собственном существовании, его словно все время кто-то осуждал и обесценивал. Неуверенность пленкой пристала к девочкам, большинство из них можно было уничтожить одним-единственным грубым или оскорбительным словом.

Только не Мерси. И не Нову. Мерси и Нова тут же сжимались в комок и молниеносно жалили в ответ.

У этих двоих была и другая сторона, не разрушительная. Луве при первой же возможности старался тайком понаблюдать за ними. Во время групповой сессии, или когда у девочек бывало свободное время, или за обедом, или по вечерам, когда они выходили покурить. В такие минуты их схожесть казалась природной, а дружба естественной, как их же дыхание.

Они словно умеют меняться телами, подумал Луве. А вдруг им известно, что значит быть кем-то другим?

Он взглянул на стенные часы над дверью. Такие часы – белый циферблат с черными черточками вместо цифр – висели в классах в семидесятые-восемидесятые годы, когда он сам ходил в школу.

Иногда “Ведьмин котел” сильно напоминал ему гимназические годы. Интриги, злые шутки, множась, как грибы, проблемы; гормоны, которые не могут найти выхода, любов-

ные беды, учреждение в учреждении и взрослый мир – недоступный, нелепый и пугающий. Хотя здесь все в сто раз хуже. “Ведьмин котел” по определению синоним бунта, беспокойства и побулькивающего мятежа. Ни прилежных учениц, ни зубрилок, ни спортсменов. Весь опыт, который эти девочки вынесли из соприкосновения с миром взрослых, состоял в изнасилованиях, побоях, наркотиках и порнографии. А в случае Новы еще и в чайлд-груминге.

Луве взглянул на часы. Нова вот-вот появится, у него есть несколько минут, чтобы подготовиться. Пять минут, констатировал он и достал ее папку.

Стал читать, но заметил, что продолжает думать о Мерси.

Луве вдруг подумал, что травма Мерси как-то связана с ее отцом. От этой темы Мерси постоянно старалась уйти, и Луве заметил, что, когда разговор заходит об отце, девушка как будто непроизвольно теребит подвеску. Амулет в виде медальона, с исламской молитвой внутри; интересно, о...

Его размышления прервал стук в дверь.

– Заходи, – сказал Луве и закрыл папку. Дверь открылась. Луве заметил, что Нова плакала.

– Садись... – Он улыбнулся девочке.

Нова стерла слезу со щеки.

– Он опять мне написал.

Ах ты шлюшка

Пять лет назад

Потом Нова лежала в кровати и проверяла свои фотографии и видео. Фотографии были как фотографии сотен других девочек, виденных в Сети. Не лучше, не хуже. Нова надеялась, что он сочтет их подходящими.

Ты никому больше не нужна.

Нова отправила ему пятнадцать фотографий и видео продолжительностью ровно в три минуты.

Потом она минут пятнадцать не спускала глаз с экрана, но ответа все не было.

В начале одиннадцатого Нова закрыла крышку ноутбука, погасила ночник и долго лежала в темноте с открытыми глазами. Слушала, как затихает вечеринка, точнее – прерывается до завтра. Гости по одному расползались по домам. Входная дверь открылась и закрылась раз десять, не меньше, а в половине первого затихла и музыка.

Теперь звучали только два голоса. Мама громогласно объясняла Юсси, какой он слизняк. Юсси вяло протестовал. Ей в восемь вставать и отправляться в центр, подбирать всякое дерьмо, она хоть как-то деньги зарабатывает. Чтобы детей накормить. Вот зачем она унижается, наряжается в оранжевый жилет и таскает тележку, доверху набитую мусором.

Нова подумала, как стыдно ей бывает, когда мама прохо-

дит мимо школьного двора. В руках у нее палка-хваталка, а спина ссутулена, хотя ей еще тридцати пяти нет. Как мама тычет и не может ухватить своей хваталкой рванный пластиковый пакет, пока пакет наконец не уносит ветром. Или как она не может подцепить какой-нибудь противный окурочек – подхватывает, роняет, подхватывает, роняет, подхватывает и роняет, пока наконец не нагнется и не подберет окурочек прямо руками.

О, гляньте! Это ж мама Новы, оранжевый жилет видно метров за двести, хотя он настолько грязный, что ни один вменяемый человек не надел бы его добровольно.

Мама Новы иногда подходит поболтать с ребятами, особенно когда у нее темные мешки под глазами и от нее несет спиртным; она чешет языком со всеми дочкиными приятелями, словно хочет доказать: она вовсе не пила ночь напролет, она сегодня как огурчик и все просто супер.

А когда день выдается действительно хорошим, мама Новы принимается хвастать перед ребятами, что она исключительно точно составляет гороскопы и что пусть передадут своим друзьям-приятелям, что за персональный астрологический прогноз она берет всего триста крон, а еще продает браслеты из горного хрусталя. Потом добавляет, что она такой спец в астрологии, что даже свою дочь окрестила Новой, что значит “новая звезда”, а старшего брата Новы зовут Бьёрн, то есть “медведь”, в честь созвездия Большой Медведицы, а еще у Новы была старшая сестра Стелла, что значит

“звезда”, и примерно здесь у мамы Новы появляются слезы на глазах, она говорит “извините” и уходит, потому что Стелла умерла от лейкемии, когда ей было пять лет.

Мама говаривала, что Нове повезло, ей тогда было всего три года и она может вспоминать старшую сестру, не мучась. Потому что какой кошмар – вспоминать ребенка, которого больше нет, думать, какая Стелла была красавица, какие у нее были длинные золотистые локоны, которые потом все повылезли. Как невыносимо больно для матери по два-три раза в неделю открывать шкатулку, где она хранит прядку волос, и плакать всю ночь пьяными слезами, и нюхать волосы своего умершего ребенка, сухие соломины, уже не золотистые, а серые.

Проклятая сволочь Стелла, могла бы и не рождаться, раз все равно почти не успела пожить. Но вот что она успела, так это разрушить их жизнь, потому что именно после ее смерти все и посыпалось. Именно тогда настоящий папа Новы повесился на трубе в прачечной, а через несколько лет Налле спутался с бандой наркоманов.

Нове повезло – она была слишком мала, чтобы все это помнить. Ей просто неописуемо повезло, что ей не приходится мучиться, вспоминая живого, настоящего папу, здоровую сестру и брата – не уголовника, а совершенно обычного парня, дружелюбного, классного и вообще хорошего. Ей достался лишь стыд – за все, включая собственное имя. Нова. Супернова. Как будто она возомнила себя звездой. Дурость

несусветная.

Вообще-то Юсси выглядел неплохо, но, когда уходил в за-пой, то становился ломким и тощим, словно чей-нибудь престарелый дедушка. Вообще-то он был и умным, и предприимчивым, и не его вина, что жизнь свелась к тому, чтобы прятаться дома, в квартире, за спущенными шторами или в алкогольном тумане, сидя на лавочке в центре района. Вообще-то он был не чужд культуре и любил классическую музыку, хорошую литературу и даже стихи, хотя, когда напи-вался, с большей охотой слушал металл и читал вечерние га-зеты. Вообще-то он заслуживал хорошей работы и хорошей зарплаты, он же выучился на технолога и совсем не дурак.

Вообще-то он заслуживал, чтобы падчерица не стыдилась его, а гордилась бы им, гордилась, что он пожертвовал собой, заботится о ней, стал ей новым отцом. Накопил ей на ноут-бук ко дню рождения, хотя вообще-то не может себе этого позволить.

Вообще-то.

Нова стыдилась своей матери, которая, побыв на больнич-ном и оставшись без страховки, с трудом, но нашла рабо-ту. Кому-то, может, покажется убогим подбирать мусор, но на самом деле маме нравилось. Она раньше всех встречала рассвет и к тому же много двигалась – все равно как ей бы платили за то, что она занимается спортом.

Так почему Нова стыдилась такой мамы?

Ей бы своего стыда стыдиться.

А Юсси... Нова точно не стыдилась его, когда он бывал трезвым. Некоторые девочки в классе считали его симпатичным. Говорили, что он выглядит немножко по-американски – черные волосы, карие глаза, щетина, джинсы, футболка, всегда загорелый. Хотя толстовки с “Металликой” делали его похожим на дядечку в годах, к тому же он часто говорил глупости.

Нова стыдилась всего в своей жизни.

Хотя нет. Она не стыдилась Налле. Старшим братом она, наоборот, гордилась. Если бы не такой старший брат, ее бы точно затравили. Но ее не трогали, потому что с ее бра tiшкой никому не хотелось связываться. Налле всего пятнадцать, но Нова уже видела, как он лупит парней на несколько лет старше себя.

Как бы ей сейчас пригодилась его помощь! Знай Налле, к чему ее принуждают, он бы взбесился. Но Нова не могла попросить брата о помощи – все так сложно, так позорно.

Нова повернулась на бок. Синий огонек ноутбука напомнил ей про человека, который называл себя Петером. Наверное, какой-нибудь старый мужик, сидит сейчас, дрожит на ее видео.

Как она могла оказаться такой дурой? Сама, сама во всем виновата.

Дура ты, дура, илюшка несчастная.

Вообще-то она не настолько тупая. Нова отлично знала, что такое происходит сплошь и рядом, вот только не знала,

что ей самой может не повезти. Как той девочке из шестого класса, которой осенью пришлось перевестись в другую школу. Кто-то раздобыл и приколопил к доске объявлений у актового зала совершенно кошмарную фотографию, на которой у той девочки из задницы торчал карандаш. Хуже не бывает. Наверное, у девчонки вся жизнь пошла под откос.

В два часа Нова снова зажгла ночник. В квартире стояла тишина. Те двое, наверное, уснули; Нова включила ноутбук и ввела пароль.

Ответа все еще не было.

Особенно тяжело интеграция дается чернокожим мужчинам из африканских стран Мусульманская часть кладбища

A loving mother reuniting with her lost son... Очень подходяще, учитывая, кто именно опоздал на похороны. Теперь Кевин вспомнил, из какого фильма цитата. “Три тысячи миль до Грейслэнда”, полный шлак, но с Кевином Костнером в главной роли.

Кевин кивнул Вере Дагемар, подумал, что она сильно похудела.

А вот ее сын Себастьян – наоборот. Кевин не видел его лет десять. Себастьян не только прибавил в весе, но и постарел. Ему ведь еще сорока нет, а выглядит стариком. По словам Веры, они перестали понимать друг друга, когда он лет десять-пятнадцать назад затворился в обществе своих компьютеров в студенческой квартирке на Вальхаллавеген. Все троем они сели в последнем ряду, Вера печально улыбнулась Кевину, Себастьян уставился в пол.

Церемония подходила к концу. Оставалась еще смешная история из жизни отца, которую наверняка все уже слышали. Служитель слегка приукрасил ее, чем вызвал приглушенный смех, и стал закругляться.

– Последней фразы не будет, – заговорил он, – как не было и первой. Нет начала, как нет и конца. Бог не создает, потому что созидание есть неизменное состояние. Перпетуум-мобиле, в котором жизнь – случайная прихоть. Цветок, расцветший на легком мироздания, раскрыл лепестки в хрупком объятии.

Кевин подумал, что эти слова, невзирая на богоотрицание, звучат религиозно. Бедный папа. Такой большой, сильный – а всего лишь хрупкий цветок.

По собственной воле отец зашел в церковь один-единственный раз – во время отпуска в Париже, Кевину тогда было лет четырнадцать-пятнадцать. Нотр-Дам, в каком-то смысле – главная церковь мира. “Оставь надежду всяк сюда входящий”, сказал отец, проходя в церковные врата. Это было очень давно, но Кевин до последнего слова помнил, что отец сказал про цитату. “Не Библия, но тоже хорошая книжка”.

Кевин вытер слезы, улыбнулся воспоминанию, и тут органист снова заиграл. “*A Whiter Shade of Pale*”. Отец в принципе питал отвращение к любой музыке, написанной после 1959 года, но Кевин знал, что ему нравились сентиментальные шестидесятнические баллады “Прокола Харума”.

Кевин поднялся и подошел к гробу. Молча положил цветок рядом с отцовским портретом, молча постоял. Тридцать секунд, может – минуту в молчании, ни о чем не думая. Потом слезы вернулись, и Кевин вышел.

Себастьяна не было видно; наверное, удалился, когда началось прощание. Улучил минуту и улизнул, пока другие были заняты собой. Вера огляделась и недовольно покачала головой, после чего шагнула к Кевину и обняла его.

– Не понимаю я Себастьяна, – сказала она. – Он же твердил, что хочет повидаться с тобой, а сам взял и удрал... Кевин, прими мои соболезнования. Ты как?

– Да нормально.

– Я вижу – тебе тяжело... – Глаза у Веры покраснели и заблестели. Траурная церемония подействовала даже на нее. – Прогуляемся?

Кевин кивнул, и они в молчании двинулись по дорожке. Вера спросила, как дела на работе. Со времен полицейской академии Вера была для Кевина кем-то вроде неофициального наставника. И очень поддержала его, когда Кевина сначала отстранили от дела, а потом перевели в другой отдел. Вера всегда видела его насквозь, ему не удавалось скрыть от нее ни одной проблемы. Рано или поздно она их отыскивала – может, потому, что и через десять лет после ухода на пенсию оставалась отличным полицейским.

Кевин стал рассказывать, что с переводом на новую должность стало получше, но в то же время и похуже, потому что, когда приходится всматриваться в опыт жертв, вся дрянь проступает еще отчетливее.

– Значит, работаешь с людьми, а не пялишься в экран, – констатировала Вера и протянула ему пачку сигарилл. Кевин

взял пачку и, пока искал зажигалку, коротко рассказал о поиске двух девушек, чью личность полиция так и не установила.

Пока Кевин раскуривал сигариллу и кашлял от едкого дыма, Вера изучала его.

– Я бы хотела побольше услышать об этих девушках. Как насчет поужинать сегодня в “Пеликане”? Уже ноябрь, а мне не хочется идти туда одной.

У Веры и отца установилась традиция – раз в год ужинать в кабачке “Пеликан” в южной части города, так они отмечали каждый свою пенсию. Папа вышел в отставку пятнадцать лет назад, Вера – на пять лет позже, и оба ушли на пенсию в ноябре.

– Давай, – согласился Кевин.

Вера пообещала заказать столик на семь часов. Когда они вернулись к часовне и уже собирались прощаться, между ними вклинился брат Кевина, который неизвестно зачем так и торчал возле часовни.

– И что... Стуран удалось продать?

Родительский дом, виллу на Стуре Эссинген, недавно выставили на продажу, и, если верить риелтору, предложения уже пошли.

– Скоро продадут. Получишь свою долю.

– Хорошо... – Брат улыбнулся. – Не исчезай, Костнер. Рад был повидаться.

Вот, значит, зачем он задержался. Кевин улыбнулся в от-

вет:

– И я рад.

Широкая спина брата стала удаляться. Рядом с братом шагал дядя-извращенец.

Они о чем-то тихо беседовали. О чем, интересно?

А вдруг и брат тоже... Нет, не может быть.

– Кевин, ты чего? – Вера встала рядом с ним.

Видишь мужика, который так беззаботно шагает рядом с братом? Знаешь, что он сделал со мной, когда мне было девять лет?

– Ничего, – ответил Кевин и затушил сигариллу. – Ну, до вечера. Я скучал по тебе.

Кевин достал телефон, сунул в уши наушники и двинулся прочь. По радио анонсировали программу, в которой будет обсуждаться тема иммиграции.

Вскоре Кевин потерял из виду последних из тех, кто пришел почтить память отца. Вокруг начали появляться другие надгробия. Мусульманская часть кладбища, надписи на могилах гораздо скромнее. Кевин обратил внимание на то, что за могилами здесь ухаживали не так тщательно.

Темой радиодискуссий были иммигранты из стран Евросоюза, в первую очередь цыгане из Румынии и Болгарии; они всё более многочисленными толпами ехали в Швецию, чтобы там попрошайничать. Один из участников передачи уверенно утверждал, что причина растущего недоверия местных жителей к нищим всего одна – расизм, но ему тотчас же

возразили.

“Те, кто испытывает отвращение к нищим, видят в них себя. Вот как выглядели бы они сами, если бы у них не было дома, денег, не было иллюзий. Им страшно, что они сами могут очутиться на улице”.

Кевин подумал про дядю. А вдруг он ненавидит дядю потому, что боится сам сделаться таким же?

Вдруг он боится, что в душе каждого мужчины, и в нем самом тоже, таится потенциальный насильник?

Во рту стало кисло, как от изжоги; Кевин остановился и сделал глубокий вдох. Откуда у людей такая уверенность во взглядах на вещи, почему они настолько убеждены, что знают себя? Кем был бы он сам, живи он, например, в Германии в тридцатые годы? А вдруг он через несколько лет возненавидит мусульман, если все прочие станут их ненавидеть?

Кевин оглядел мусульманские могилы. Трава не подстрижена, осенние листья не убраны. Что это – неумение обихаживать могилы, или просто надо, чтобы они выглядели, как есть? В глазах Кевина могилы были неухоженными, но кто-нибудь другой, возможно, увидел бы нетронутый человеком покой.

Одно из надгробий, ближе всех к ограде, покосилось, словно вот-вот упадет. Тут же Кевин увидел, что еще одно, с изображением покойного, изуродовано вандалами до неузнаваемости, а чуть поодаль испохаблены сразу несколько. Кто сделал это и зачем?

Кевин тут же с неудовольствием понял, что ответы будут разными – смотря кому задашь этот вопрос. Мусульмане сами изуродовали, скажет один, намекая на запрет изображать живые существа. Другой с той же уверенностью скажет, что это дело рук ксенофобов, а третья машина по производству мнений выдаст: вот он, результат смешения культур. И все будут стоять на своем. Их вера – их убеждения.

Верить в Бога означало *знать*, что Бог существует. Вера оказалась столь сильна, что перестала быть верой, но продолжала так называться. Однако в большинстве контекстов слово “вера” означает, что человек вовсе не уверен в том или этом. Человек предполагает, строит догадки, воображает.

Дебаты по радио продолжались.

“Все более обычными становятся самые отчаянные способы проникнуть в нашу страну. Пример – мужчина (чья личность пока не установлена), которого нашли мертвым на мосту Лильехольмсбрун в Стокгольме. По словам полицейских, мужчина выпал из самолета, он прятался в люке шасси. Самолет летел из Брюсселя и уже заходил на посадку в аэропорту Броммы, когда...”

Мысли Кевина снова вернулись к отцу. Сколько же всего они не успели обсудить. Теперь у него больше нет выбора, не осталось выбора, который мог бы привести к знанию и истине. Кевин мог только предполагать, строить догадки. Верить.

Какая-то участница радиодебатов сказала, что, по ее мнению, у беженцев часто бывает ложное представление о Шве-

ции. Она вовсе не рай, каким ее изображают, и особенно тяжело интеграция дается чернокожим мужчинам из африканских стран, вроде того несчастного, что выпал из самолета. Кевин почувствовал, что по горло сыт этими рассуждениями. Он выключил радио, сунул наушники в сумку и пошел дальше.

Ближе всего оказался выход у еврейской части кладбища. Кевин отметил, что иудейский обычай при каждом посещении оставлять на могиле камешек начал распространяться на близлежащие христианские и мусульманские захоронения.

Эти камешки – как идеи, подумал он. Распространяются и укореняются в новых местах, иногда совершенно неожиданных.

Думал ли отец, куда попадет после смерти? Может, он снова начал верить в Бога, как в детстве?

“Знакомство с собой – занятие на всю жизнь”, говаривал он. Отец время от времени выдавал такие фразы, короткие мантры, и несмотря на отцовский атеизм, в них часто говорилось о Боге или религии. Отец высмеивал предрассудки, но сам так и не избавился от них до конца.

За воротами кладбища Кевин сообразил, что придется сделать крюк, а до метро путь неблизкий. В сером тумане уже начинали вырисовываться контуры станции, когда у него зазвонил телефон. Звонил Лассе, его шеф, и Кевин сразу ответил.

– Прости, что беспокою... Ты как?

– Нормально. Тяжеловато, конечно.

– Прими мои соболезнования. Но ты вроде хотел быть в курсе... Не заглянешь в управление? У нас появились материалы с телефона погибшей девочки. Еще хорошо бы, чтобы ты посмотрел одно видео и... как ты это называешь?

– Ляпы?

– Точно. Один ляп я, кажется, нашел. В видео из списка улик, которые мы собирали два года назад.

Кевин застыл.

– Речь о той белокурой девочке? Нове?

– Да... А ты откуда знаешь?

– Буду через полчаса.

Словно бабочкино крыло

Пять лет назад

Надо было послать его к черту сразу же. Нова с самого начала чуяла, что дело нечисто, но продолжала отвечать на сообщения.

Все началось три месяца назад. Он написал ей, что она классно выглядит. Ему нравится. На аватарке был симпатичный парень, даже, по мнению Новы, слишком симпатичный, но она не удержалась и ответила. Когда он написал, что ему пятнадцать, она соврала, что ей тоже пятнадцать. Он сказал, что его зовут Петер, и тогда это не показалось ей странным, хотя теперь она думала, что среди пятнадцатилетних Петер не особо распространенное имя. Так могут звать кого-нибудь, кому лет сорок-сорок пять.

Первые недели ушли на знакомство. Оба прогуливали школу, притворялись больными, чтобы чатиться, пока мама подбирает мусор, а Юсси напивается, сидя на лавочке в центре.

Он прислал ей несколько фотографий – тоже ничего странного. Ну, может, пара-тройка фоток из бассейна, на некоторых он был голый выше пояса; он спросил, не кажется ли он ей некрасивым. Она ответила, что конечно же нет, и даже наоборот, у него красивое тело, и тогда он попросил ее фотографию. В купальнике или вроде того. Нова колеба-

лась, но фотографию послала.

Нашла снимок, на котором она выглядела постарше. Прошлой зимой весь их класс снимался в бассейне “Сюдпулен” в Сёдертелье, и она встала так, чтобы казалось, будто у нее есть грудь.

Он написал, что она невероятная красавица, но на пятнадцать лет она, по его мнению, не выглядит. После этого письма Нова почувствовала себя в безопасности.

Он спросил, не хочет ли она поговорить с ним по телефону, но она отказалась. Решила, что пока и так хорошо. А вдруг ему не понравится ее голос? Тогда всему конец.

Наконец он спросил, невинна ли она, и Нова соврала, что нет. Написала “*Это вряд ли*”, но тут же прибавила, что парней у нее было не особенно много и что ей никто не понравился. Она просто еще не встретила того самого парня.

Он с ней согласился: вот и у него все точно так же. И Нова стала надеяться, что он и есть тот самый. Она представляла себе, как лежит рядом ним и какой он классный. Представляла, как целует его, а может, и кое-что еще.

Потом они мало-помалу заговорили о сексе. У него опыта оказалось побольше, чем у Новы, и он поделился ощущениями. Сказал, что в первый раз было немножко стремно, но потом стало лучше. Сказал, что может быть очень-очень хорошо, главное – любить того, с кем этим занимаешься.

Нова прокрутила ленту вверх. Сотни сообщений. Наконец она нашла нужное.

Он: Ты мне так нравишься! Но я должен знать, что ты точно не маленькая.

Она: И как мне это доказать?

Он: Неловко просить, но, наверное, только так и можно... Короче, пришли фотографию, ну, более личную. Вообще-то мне не хочется просить о таком, но, может, нам потом будет проще друг с другом. Может, мы бы даже встретились?

Опять это словечко, подумала Нова. Вообще-то.

Вообще-то мне не хочется, написала эта сволочь. Хотя именно этого ему и хотелось, и он получил и фотографию, и еще дофига всего. Господи, какая же она была дура.

Нова читала дальше, испытывая острую боль. Она помнила ощущение чего-то странного, но манящего. Теперь слова Петера казались ей абсолютно ясными.

Она: ОК 😊. Хотя не знаю, хватит ли у меня смелости на такую фотографию.

Он: Если хочешь, я тебе свою пришлю. Чтобы по справедливости 😊.

Она: Может, одну пришлю. Только сначала давай ты.

Он: ОК. Только подожди немножко. Сразу не получится...

Нова проверила время, отмеченное в чате. Он прислал фотографию через двадцать минут. Значит, притворился, что раздевается и двадцать минут старается, чтобы фотка вышла получше, не очень неприличная. Нова стала разгля-

дывать фотографию. Да, на ней тот же парень, что и на аватарке, но сообщения явно писал другой человек. На фотографии лежал на боку в кровати робкий паренек.

Нова тогда просто влюбилась в эту фотку, но так уж прямо писать не стала.

А теперь фотография вызывала у нее мысли о всяких ползучих тварях. Змеях и червяках.

Она: Какой ты классный ☺. Я тебе тоже пришлю фотку, только ты приготовься, что я бреюсь. Мне так нравится. Так в каком-то смысле приятнее. Чище. Скоро пришлю.

Он: Да мне все равно. И я согласен, что так чище, хотя с волосками внизу тоже красиво. Для меня ты в любом случае будешь КЛАССНАЯ!!!

Через двадцать две минуты Нова отправила фотографию, после которой вся ее жизнь полетела к чертям.

Если бы она ничего не отправляла, все было бы нормально.

О чем она думала? Дура, дура.

Теперь, всего два месяца спустя, Нова смотрела на фотографию и видела под манерными ужимками себя саму. Девочку, которая пытается выглядеть взрослой.

Она накрасилась. Тушь, губная помада, пудра.

Напихала тряпок под майку, изогнула бедро, чтобы казаться пофигуристее.

Ну и убогий же у меня вид, подумала Нова.

Он ответил сразу же. Тогда ей показалось, что он написал

красиво – немного странно, но романтично. Теперь при виде этих слов ее замутило.

*Он: О-о... Веко трепещет, словно бабочкино крыло*¹⁵.

Словно бабочкино крыло.

Как вообще в голову пришло такое написать?

После первой фотографии все разговоры вдруг завертелись вокруг секса, и Нова – не так неохотно, как ей хотелось бы думать – ушла в них с головой. Она отправила Петеру еще несколько фотографий, и вот – медленно, но верно – начали приходить угрозы. Сначала незначительные, скрытые: он писал, что у него развилась зависимость от ее прекрасного тела, и если он не получит еще фоток, то впадет в депрессию. Он беззастенчиво нахваливал ее, льстил, а она заглатывала эту лесть. Ее разглядели, ее ценят.

Потом вдруг – может, всего за какой-нибудь день – все сменилось острым чувством ошибки.

Он признался, что ему девятнадцать, а не пятнадцать, как он писал в самом начале. А потом объявил, что знает – ей не пятнадцать, а всего одиннадцать. Оба соврали на одинаковое число лет, и оба одинаково виноваты. И она даже больше, потому что он же усомнился в ее возрасте. Она ведь помнит?

Да, но ведь взрослый здесь он, а она – ребенок.

Теперь он знал о Нове все, а она о нем – ничего. Ни как он выглядит, ни сколько ему лет, ни как его зовут – вообще

---

¹⁵ Строка из песни *"I Give You the Morning"*. Автор шведского перевода – Фред Окестрём, 1972 г.

ничего.

Знала только одно: она его ненавидит.

И еще кое-что знаю, подумала Нова. Иногда он пишет странные вещи, вроде тех слов – когда он видит ее голой, веко у него трепещет, словно бабочкино крыло.

Будь она посообразительнее, она, может, и сумела бы разоблачить его.

Нова читала, что, если девочки влипают в такую гадость, надо рассказать о случившемся какой-нибудь приятельнице или лучшей подруге. И часто именно лучшая подруга или жертва с подругой вместе рассказывают все какому-нибудь взрослому – маме, папе, учителю, полицейскому, ведь та, что влипла, не решается сама открыть рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.